

Пелам Гренвилл Вудхаус

P. G. Woodhouse

Что-нибудь эдакое
Положитесь на Псмита
Замок Бландинг

Пелам Гренвилл Вудхаус

Что-нибудь эдакое. Положитесь

на Псмита. Замок Бландинг

Серия «Библиотека классики (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66218026

*Что-нибудь эдакое; Положитесь на Псмита; Замок Бландинг:
[романы] / Пелам Гренвилл Вудхаус ; [перевод с английского И. Г.
Гуровой, Н. Л. Трауберг].: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-133423-9*

Аннотация

Один из лучших «семейных» сериалов Пелама Гренвилла Вудхауса, полный английского юмора. Знакомьтесь: обитатели замка Бландинг – семейство истинно английских аристократов. Их эксцентричность далеко превосходит все, что вы только можете вообразить. Крепкие стены их родового гнезда способны выдержать многое: и странности престарелого главы клана, и проделки представителей младшего поколения, и безумные выходки гостей замка.

Содержание

Что-нибудь эдакое[1]	6
Глава I	6
Глава II	20
Глава III	31
Глава IV	65
Глава V	72
Конец ознакомительного фрагмента.	96

**Пелам Гренвилл Вудхаус
Что-нибудь эдакое;
Положитесь на Псмита;
Замок Бландинг**

Pelham Grenville Wodehouse

P. G. Wodehouse

SOMETHING FRESH
LEAVE IT TO PSMITH
BLANDINGS CASTLE

Перевод с английского *И. Г. Гуровой, Н. Л. Трауберг*

Печатается с разрешения литературных агентств Rogers, Coleridge & White Ltd и Andrew Nurnberg.

б и б л и о т е к а

к л а с с и к и

© The Trustees of the Wodehouse Estate 1915, 1923, 1937

© Перевод. И. Г. Гурова, наследники, 2021

© Перевод. Н. Л. Трауберг, наследники, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Что-нибудь эдакое¹

Глава I

1

Нежный свет весеннего утра красиво освещал Лондон, животворя и радуя всех, кто шел или ехал по Пиккадилли. Кондукторы отпускали шутки, шоферы мягко улыбались, полисмены насвистывали, равно как и клерки, нищие просили подавание с оптимистической прытью. Словом, утро выдалось хорошее.

Ровно в девять из квартиры 7А по Арундел-стрит вышел молодой человек.

Если есть на свете задворки, Арундел-стрит² можно к ним приписать. Проходя по северной стороне Лестер-сквер, вы и не заметите входа в узенький тупичок. День и ночь люди минуют его как ни в чем не бывало. В нем нет и сорока ярдов. Да, там есть две гостиницы – но какие? Словом, задворки,

¹ © Перевод Н.Л. Трауберг.

² В данном сборнике имена собственные и географические названия даны в редакции переводчиков. – *Примеч. ред.*

ничего не скажешь.

Формой своей тупичок похож на каменные сосуды, в которых итальянцы держат дешевое вино. Узкое горлышко сменяется чем-то вроде двора. По бокам от него стоят гостиницы, в глубине – мебелирашки для достаточно бедных людей. Их тоже собираются сменить гостиницей, но все не соберутся, так они и стоят.

Комнаты – небольшие, кровать скромно прячется за ширмой. Есть и стол, и стул, и кресло, и шкаф, и жестяная ванна, которую можно оттереть. Все это вместе с завтраком – пять долларов в неделю. Эш Марсон платил их за квартиру 7А.

На двадцать шесть лет раньше у преподобного Джозефа Марсона и жены его Сары (Матч-Мидлфорд, графство Шропшир) родился мальчик. Назвали его так странно в честь богатого дяди – и зря, ибо дядя этот оставил деньги благотворительному заведению, мальчик же в свое время поступил в Оксфорд, чтобы заняться там богословием. Занимался он мало, зато пробегал милю за полторы минуты, а прыжки в длину принесли ему заслуженную славу.

Осчастливив многих своими победами над Кембриджем, он совсем забросил науки, а потому не обрел никакой пристойной профессии. Правда, он стал бакалавром, что позволило ему до поры до времени морочить ближних, давая уроки.

Накопив таким страшным образом немного денег, Эш приехал в Лондон и два года работал в газетах с перемен-

ным успехом, пока не вышел на издательский концерт «Мамонт», контролирующий несколько важных газет, несколько журналов и что-то еще, не гнушаясь жалкими деньгами мелких клерков и юных курьеров. Среди прочего он издает дешевые приключенческие книжки. Там и нашел свою нишу Эш Марсон. Именно его перу принадлежат «Похождения Гридли Квэйла». Раньше героев было много, равно как и авторов; теперь все выпуски, по одному в месяц, поставлял только он. Ему платили, он на это жил на Арундел-стрит в доме номер 3, квартира 7А, из которой и вышел в то майское утро.

Он был высок, строен, красив (светлый взор, сильный подбородок), одет в свитер и фланелевые брюки, обут в гимнастические туфли. В одной руке он держал гантели, в другой – скакалку.

Вдохнув и выдохнув утренний воздух так мерно и важно, что вы бы сразу узнали столь популярное в наши дни «глубокое дыхание», он положил гантели и принялся скакать.

Если мы подумаем о том, как сопротивляется Лондон подобным зрелищам, мы удивимся редкому спокойствию молодого человека. В Лондоне можно бежать за шляпой или за омнибусом, можно прыгать, спасаясь от такси. Но бегать ради легких, прыгать ради печени? Этого Лондон не простит, он высмеет вас.

Однако Арундел-стрит пока что не смеялась. Хозяин одной гостиницы смотрел куда-то вдаль; хозяин другой явно

ни о чем не думал. В окнах появлялись головы, но ни одна из них не ухмыльнулась. Дети и те не смеялись, а кошка терлась о перила не оборачиваясь. Словом, мы могли увидеть, чего добьешься, если действуешь тонко и терпеливо.

Три месяца назад, поселившись в квартире 7А, Эш Марсон понял, что придется выбирать: или откажись от упражнений, которые поистине стали второй натурой, или бросай вызов неписаным законам травли. Колебался он недолго. Здоровье и сила были его заветом. Упражнения бросать нельзя, ergo – бросаем вызов.

Когда он впервые появился перед домом в тапочках, на него смотрели:

Два кебмена (один пьяный).

Четыре лакея из одной гостиницы.

Шесть лакеев из другой.

Шесть горничных из одной гостиницы.

Пять горничных из другой.

Хозяин одной гостиницы.

Хозяин другой.

Дворник.

Одиннадцать зевак.

Двадцать семь мальчишек.

Кошка.

Все смеялись, включая кошку. Пьяный кебмен пропел: «Вернись домой, Билл Бэйли!» Эш делал упражнения.

Через месяц аудитория свелась к последнему пункту.

Мальчишки еще смеялись, но без той победной убежденности, которую давало им одобрение взрослых.

Теперь, через три месяца, Эш стал явлением природы. Упражнялся он рьяно, стремясь изгнать усталостью мельчайшего беса, который не давал покоя с самого утра. Весной нам хочется другой, более яркой жизни, а уж тем паче – в такое утро, когда самый воздух что-то обещает и предвещает. Толстые немолодые джентльмены чуть не танцуют с зонтиками, а рассыльный свистит на ходу, восхищаясь жизнью.

Но юго-западный ветер несет и недовольство. Вдыхая запахи странствий, мы горюем, что зря просадили жизнь. Именно это случилось с Марсоном. Никогда еще не был он так уверен, что попал в ловушку. Сейчас мысль о Гридли Квэйле была по голове, словно «тупое орудие», о котором мы так часто читаем в газетах. Скакалка не помогала. Он ее отбросил и взялся за гантели.

Не помогли и они. Он подумал, что давно не делал гимнастических упражнений Ларсена.

Лейтенант датской армии, носивший это имя, долго изучал анатомию, и теперь по всему миру многие завязываются узлом, верно следуя схемам его превосходной книги. Мышцы обретают консистенцию резины. Кровь резво бежит по жилам. Если вы не сдадитесь, придет время, когда вы сможете одним ударом убить быка.

Все так, но достоинства в этих движениях нет. Скажем больше: с первого раза они покажутся смешными. Король

Генрих I³, чей сын утонул вместе с кораблем, никогда не улыбался только потому, что еще не было Ларсена.

Скрутив тело в пробочник, Эш Марсон и не думал о том, что кто-то может засмеяться. Он был прав. Хозяин одной гостиницы скользнул по нему взглядом; хозяин другой откровенно глядел вдаль. Мальчишки молчали. Кошка терлась о перила.

Однако, раскручиваясь, он услышал сзади нежный, мелодичный смех. Три месяца назад он бы принял его как должное, но теперь – покраснел и обернулся.

В окне первого этажа сидела девушка. Весеннее солнце играло на ее золотистых волосах, светило в синих глазах, которые, в свою очередь, зачарованно созерцали странное создание в фланелевых брюках. Секунды две девушка и Эш смотрели друг на друга; потом она нырнула в комнату, а он, вконец разбитый, собрал пожитки и пошел к себе.

Холодная ванна его не ободрила, а завтрак, предоставляемый хозяйкой, не ободрил бы никого. Когда Эш управился с клочковатой яичницей, горелым беконом и той цикорной жидкостью, которую кошунственно именуют кофе, он был совершенно несчастен. За письменным столом, пытаясь выжать из себя последнее похождение Квэйла, он просто вылетел от горя. Неотступный, хотя и мелодичный смех побуждал его

³ Генрих I (1070–1135) – младший сын Вильгельма Завоевателя. Его сыновья, Уильям и Ричард (по материнской линии – внуки св. Маргариты Шотландской), утонули в 1120 г. Осталась только дочь Матильда, в будущем – мать Генриха II (1133–1189). – *Здесь и далее примеч. пер.*

мечтать о том, чтобы читающая чернь знать не знала никаких Квэйлов, а лично он, его создатель, лежал в могиле. Их зловещий союз длился больше двух лет, причем сыщик с каждым месяцем становился противней. В настоящее время он был исключительно самодоволен и ни в какую не видел, что одна лишь удача, поистине поразительная, помогает ему хоть что-то открыть. Словом, зависеть от него материально – все равно что сидеть на цепи у какого-нибудь дракона.

Отвращение к Квэйлу достигло апогея. Обычно Эш сперва выдумывал название, потом – подгонял к нему сюжет; и вот вчера, вдохновленный свыше, он написал на старом письме: «Волшебная палочка смерти».

Теперь он смотрел на эти слова, как смотрит вегетарианец на гусеницу в своем салате. Вчера ему казалось, что заглавие – лучше некуда. Допустим, но что оно значит? Что это за палочка? Пока ты этого не понял, ты ничего не напишешь – однако нельзя швыряться такими заглавиями. Эш грыз вечное перо и ерошил волосы.

И тут постучались в дверь.

Он резко повернулся. Сколько можно говорить хозяйке, чтобы она не мешала, когда он работает! Быстро перебрав в уме язвительные ремарки, он крикнул:

– Да-а!

Вошла девушка, та самая девушка с синими глазами, которая смеялась над гимнастикой Ларсена.

Эш выглядел жалко по разным причинам. Во-первых, он думал увидеть хозяйку, женщину невысокую, и смотрел ниже, чем надо. Во-вторых, он скорчил заранее рожу, которую сразу не растянешь в милую улыбку. Наконец, если ты просидишь полчаса над листом с загадочной надписью, в мозгах еще нет той прыти.

По этой причине почти целую минуту он вел себя так глупо, что психиатр с ходу поставил бы диагноз. Поднялся он немного погодя, и странный, скрюченный скачок напоминал о лейтенанте Ларсене.

Девушка тоже смирилась. Будь он спокойнее, он бы заметил, что она краснеет. Но женщины сильнее мужчин, и первой заговорила она.

– Я вам помешала...

– Нет, что вы! – ответил Эш. – Что вы, что вы, что вы, чтовычтовы!..

Она перебила его:

– Я пришла попросить у вас прощения. Прямо не знаю, почему я засмеялась...

Наука, при всех ее успехах, еще не выяснила, что должен делать человек в такой ситуации. Если он промолчит, он покажется грубым. Если он что-то скажет, он покажется глупым. Колеблясь между этими возможностями, Эш взглянул

на листок бумаги:

– Что такое палочка смерти?

– А, что?

– Палочка смерти.

– Не понимаю.

Бредовость этой беседы привела к тому, что Эш засмеялся. Засмеялась и гостья. Обоим стало значительно легче.

– Вы думаете, я сошел с ума? – осведомился Эш.

– Конечно, – отвечала девушка.

– Вообще-то сошел бы, если бы вы не явились.

– Почему?

– Пытался написать детектив.

– Я так и думала, что вы писатель!

– А вы?

– Я тоже. Вам не попадалась газета «Светские сплетни»?

– Нет.

– Рада за вас. Жуткая газета. Выкройки, советы влюбленным. Я каждую неделю даю рассказ про графа или про герцога. Подписываюсь по-разному. Ужас, не работа!

– Сочувствую, – сказал Эш, – но мы ушли от дела. Что такое палочка смерти?

– Волшебная?

– Естественно.

Девушка подумала.

– Ну как же! Палочка слоновой кости. Ее украли из индийского храма и верят, что всякий, кого она коснется,

умрет. Она попала к герою, жрецы ему угрожают, шлют письма...

– Да вы гений!

– Что вы!..

– Гений, не спорьте. Я все вижу. Герой приглашает Гридли Квэйла, этот надутый идиот при помощи самых диких случайностей раскрывает тайну, а я получаю деньги на следующий месяц.

Девушка с интересом посмотрела на него:

– Вы автор «Гридли Квэйла»?

– Только не говорите, что вы это читаете!

– Нет, не читаю. Но издает его то же издательство, и я часто вижу эти выпуски.

Эш обрадовался, словно встретил в пустыне старого друга.

– Вы пишете для «Мамонта»? Ну, мы рабы с одной галеры! Придется стать друзьями. Правда?

– Я была бы очень рада.

– Тогда присядьте, поболтаем.

– Да вы работаете!..

– А вы меня спасаете.

Она присела. Казалось бы, просто, но Эш понял многое; скажем, она не села на край стула и не развалилась в кресле. Этикет не так уж строг на Арундел-стрит; те, кто живет в большом городе на небольшие деньги, ощущают себя особым братством.

– Представимся друг другу, – спросил Эш, – или миссис Белл сказала вам, как меня зовут? Кстати, вы здесь недавно, да?

– С позавчерашнего вечера. А как вас зовут, я сама знаю. Феликс Кловли.

– Господи! Неужели вы думаете, что человека могут так звать? Это я прикрываю свой стыд. Зовут меня Эш Марсон. А вас?

– Джоан Валентайн.

– Расскажите историю своей жизни, или мне сперва рассказать?

– Мне и рассказывать нечего.

– Ну-ну!

– Нечего, правда.

– Подумайте. Родились вы?

– Да.

– Где?

– В Лондоне.

– Вот видите. А я – в Матч-Мидлфорде.

– Не слышала.

– Странно! А я о Лондоне слышал. Надо бы прославить Мидлфорд, но, видимо, – не мне. Я неудачник.

– Сколько вам лет?

– Двадцать шесть.

– Как же вы можете знать, удачник вы или неудачник?

Мне стыдно за вас.

– Да я же умею только писать про этого Квэйла!

– Почему «только»? Попробуйте делать что-нибудь еще.

– Что именно?

– Ну, что-нибудь этакое. Господи, вы – в самом большом городе мира, приключения – куда ни глянь, шансы просто кишат...

– Я их не вижу.

– Читайте газеты. Особенно объявления. Непременно что-нибудь найдете. Смелее! Кидайтесь на любой шанс...

Эш кивнул:

– Так, так, так. Говорите, говорите.

– А без меня вы не догадались? Лондон такой большой, тут столько всяких возможностей. Я осталась без гроша пять лет назад. Не важно почему. И что же? Я печатала на машинке, играла в театре, была гувернанткой, компаньонкой, горничной...

– Горничной?

– А что такого? Очень занятно. Куда лучше гувернантки.

– Да, понимаю. Я был учителем. Интересно, что бы сказал об этой профессии генерал Шерман?⁴ Это вам не какая-то война! Значит, занятно быть горничной?

– Еще как! И потом, я изучила графов и герцогов, все со мной консультируются.

Эш вдохнул воздух – не научно, а восторженно.

⁴ Уильям Шерман (1820–1891) – генерал северян в гражданской войне США (1861–1865).

– Какая вы молодец!

– Я?

– Ну, храбрая такая.

– Что ж, по мере сил. Мне двадцать три, я мало сделала, но неудачницей себя не считаю.

– Молодец, каких мало. Просто заочные курсы «Как обрести успех». Вы бы и медузу раскачали.

– Если я вам правда помогла...

– Не обижайте меня опять! Хотя я заслужил... Да, вы мне помогли. Я воскрес. Давно себя так не чувствовал...

– Это весна.

– Да, наверное. Мне кажется, я сделаю что-то особенное.

– Что ж, делайте. Вот у вас «Морнинг пост». Вы ее читали?

– Проглядел.

– Прочитайте объявления.

– Хорошо, хотя, по-моему, там одни жулики.

Джоан встала.

– До свиданья, – сказала она, – вам надо писать, мне – думать про герцога. Простите еще раз, что я тогда смеялась.

Эш схватил ее за руку.

– Смейтесь на здоровье! Приходите почаще и смейтесь. Когда я начал делать гимнастику, полгорода каталось на мостовой. Теперь они утихли, мне скучно. Вы еще не все видели, этих упражнений – двадцать девять. Шестое – смешнее всего. Завтра с него и начну. Недурно и одиннадцатое.

Смотрите, не проспите.

– Спасибо. Ну, пока.

– Пока.

Рядом с листом бумаги, на котором сверкало замечательное, завлекающее название, лежала газета. Он обещал прочитать объявления. Значит, надо читать.

Он читал и падал духом. Мистер Брайан Макнил спал и видел, как бы поделить деньги с неимущим, но совершеннолетним субъектом, не требуя никаких гарантий. От него не отставали Энгус Брюс, Данкан Макфэрлан, Уоллес Макинтош и Дональд Макнэб. Как и он, они чуждались людей, не достигших совершеннолетия, но человек постарше мог просто прийти к ним и взять денег.

В отличие от них молодой человек (и христианин) хотел получить тысячу фунтов, чтобы завершить свое образование, объездив европейские страны.

Эш отбросил газету; так он и знал. Романтика умерла, приключений ждать неоткуда. И он начал писать «Волшебную палочку смерти».

Глава II

1

На Пиккадилли, в гостинице «Гвельф», высокородный Фредерик Трипвуд сидел, подтянув колени к подбородку, и печально глядел в пространство. У него было очень мало разума, но какой был, тот страдал.

Так оно в жизни и бывает. Проснешься буквально как огурчик; повернувшись к окну, возблаговаришь небеса за хорошую погоду; задумаешься о том, где бы получше закусить с друзьями по спортивному клубу, – и вспомнишь.

– А, черт! – сказал высокородный Фредди и чуть погодя прибавил: – Как было хорошо!

Несколько минут, не вставая с постели, он страдал и думал. Потом подтянул к себе телефон и набрал номер.

– Алло!

– Алло! – отозвался звучный голос на том конце провода.

– Дикки?

– А кто это?

– Я, Фредди. Дикки, старик, надо повидаться. Вы в двенадцать не уйдете?

– Нет. А в чем дело?

– Не телефонный разговор.

– Ладно. Кстати, поздравляю.

– Спасибо, старик. Большое спасибо, только вы не уходите. Пип-пип!

Он быстро положил трубку и вскочил, поскольку услышал, что скрипит ручка двери. Когда дверь открылась, он совершенно ничем не отличался от молодого человека, который бодро и споро начинает свой день.

В комнату вошел человек немолодой, довольно лысый, зато с тонкими чертами лица и рассеянным кротким взором.

– Ты только встаешь, Фредерик? – спросил он.

– Привет, папаша. Пип-пип. Я мигом.

– Надо было встать часа два назад. Очень хорошая погода.

– Сейчас, сейчас. Помоюсь, оденусь.

И он юркнул в ванную, тогда как отец его сел в кресло, сцепил кончики пальцев и горестно замер.

Как многие отцы его положения и ранга, граф Эмсворт не мог решить ту единственную проблему, которая (кроме разве что Ллойд-Джорджа⁵) отягчает жизнь нашей знати: Что Делать с Младшим Сыном? Ничего не попишешь, младший сын – ненужная роскошь, пустая обуза. Можно сказать британскому пэру, что ему все же лучше, чем треске, у которой в любую минуту обнаружится миллион потомков; сказать это можно – но зачем? Он не успокоится. Младший сын ему только мешает.

⁵ Дэвид Ллойд-Джордж (1863–1945) – премьер-министр Великобритании в 1916–1922 гг.

Высокородный Фредерик мешал с особым успехом. Граф Эмсворт по сути своей не мог ни на кого сердиться, но Фредди подошел к черте намного ближе, чем кто бы то ни было, упорно и разнообразно терзая добродушного пэра. Отдельные действия не могли вывести графа из терпения, и все же с поступления в Итон младший сын держал его в вечной тревоге.

Из Итона Фредди выгнали за то, что он, наклеив усы, шумел ночью на улице, а вот из Оксфорда – по другой причине: он поливал декана чернилами со второго этажа. Два года ушло на дорогого репетитора, причем за то же самое время младший сын набрал рекордное количество долгов и подозрительных друзей (и то и другое – скачки).

Все это доведет кротчайшего из графов; и лорд Эмсворт топнул ногой. Поднакачав сил, он в первый и в последний раз проявил решительность – перестал давать сыну деньги, увез в свой замок и держал там так крепко, что Фредди не видел столицы до вчерашнего дня, едва ли не целый год.

Возможно, мысль о том, что он ее все-таки увидел, подбодрила его, и он запел. Плеск воды смешался с нестройными звуками.

Лорд Эмсворт нахмурился и засучил плечами, но продолжалось это недолго. Вспомнил и он.

Что же именно? Вот что: прошлой осенью соседнее поместье снимал один американец, мультимиллионер по фамилии Питерса, у которого, кроме денег, были хронический га-

стрит и прелестная дочь. Соседи познакомились, Фредди и Эйлин даже подружились, а несколько дней тому назад – обрuchились, избавив тем самым лорда Эмсворта от единственной обузы.

Фредди совсем распелся, но граф это вынес. Удивительно, как все меняется, если ты сбыл сына с рук! Почти целый год несчастный пэр не ведал покоя. Блэдингский замок просторен, но все же не настолько, чтобы никогда не наткнуться на Фредерика; а наткнувшись, отец с печалью видел, что сын страшно страдает. И сады, и парк были для пэра ближайшим подобием рая, но пленник ходил по ним с таким видом, словно это по меньшей мере Сибирь.

Теперь все иначе. Фредди женится. Лорду Эмсворту нравилась Эйлин, нравился и мистер Питерс. Словом, он так радовался, что испытал что-то вроде нежности, когда из ванной вышел сын в розовом халате. Сын же этот, в свою очередь, обрадовался тому, что отцовский гнев улетучился и мир, как говаривала Пиппа, в полном порядке.

Оделся он быстро, его всегда стесняло присутствие отца; и, вскакивая в брюки (сперва – не совсем удачно), вспомнил еще одно обстоятельство.

– Кстати, – сказал он, – я тут встретил приятеля и пригласил к нам. Ничего?

На секунду лорд Эмсворт приуныл. Он знал приятелей Фредди.

– Кто он такой? У нас будут мистер Питерс и Эйлин, и все

твои родственники. Если это...

– Нет-нет, он очень приличный! Фамилия – Эмерсон. Служит в Гонконге. Большая шишка. Эйлин он знает, вместе плыли в Англию.

– Я не помню никаких Эмерсонов.

– Понимаешь, мы вчера познакомились. Очень хороший человек, такой какой-то...

Лорд Эмсворт был слишком счастлив, чтобы толком рассердиться.

– Хорошо, пускай едет.

– Спасибо. Ты завтракал? А то я съем что-нибудь и немного прошвырнусь.

– Два часа назад. Надеюсь, ты заглянешь к мистеру Питерсу. Я пойду туда после ленча. Он хочет показать мне... как это их?.. да, скарабеев.

– Загляну, загляну, не волнуйся. А не успею – позвоню. Значит, я пошел, а?

Лорду Эмсворту было что ответить на эти речи. Во-первых, ему не понравилась легкость тона; во-вторых, ему показалось, что счастливый жених обычно более пылок. Хотя, с другой стороны, может, теперь так надо... Словом, он промолчал; а Фредди, обмахнув ботинки шелковым платком и вытерев платок о манжету, вышел с ним вместе в вестибюль, где они расстались. Сын собирался позавтракать, отец – побродить, коротая время до ленча. Граф не любил Лондона, он вообще не любил города, сердце его было в деревне.

На одном из этажей одного из зданий, стоящих на одной из улиц, которые, в свою очередь, бегут от Стрэнда к Темзе, есть дверь, а на ней – самая скромная из всех лондонских табличек:

Р. Джонс

Слева – «Брейбери-Эгглстон, генеральный директор компании по эксплуатации резиновых плантаций в Новой Гвинее», справа – «Рубиновые копи в Бхангалу», а тут, как фиалка среди орхидей, – просто «Р. Джонс».

Глядя на это, вы гадаете, кто же он такой и чем занимается так скромно. Гадал и Скотленд-Ярд, но узнал только то, что скромный Р. Джонс торгует антиквариатом, дает деньги в долг и в сезон играет на скачках. Мы не будем вас уверять, что этого хватило; тут уместней слово «растерянность». Сыщики подозревали, что он скупает краденое, но доказать не могли. Р. Джонс об этом позаботился. Он был очень занят, едва ли не занятее всех в Лондоне, но прежде всего он пекся о том, чтобы не было улики.

Если верить собрату по перу, небезызвестному Шекспиру, опасен только тощий человек⁶ с голодным взором, а округлый, толстый и благодушный истинно невинен. Тогда

⁶ Уильям Шекспир. Юлий Цезарь. Акт I, сцена 2.

Р. Джонс опасности не представлял, поскольку был самым круглым и толстым человеком в центрально-западной части Лондона. Можно сравнить его с мячом, можно – с мехами (если он идет вверх по лестнице), а можно – и с желе, если неосторожный друг внезапно хлопнет его по плечу. Правда, по лестнице он ходил редко, а по плечу его почти не били, ибо его круг считал это неуместным, уступая такую возможность стражам порядка, состоявшим на государственной службе.

Кроме того, Р. Джонс, человек лет пятидесяти, был седым и краснолицым. С друзьями он держался резво, со случайными знакомыми – еще резвее. Завистливые недоброжелатели полагали, что особая приветливость по отношению к молодым аристократам с маленьким лбом и большим кошельком принесла ему не одну сотню фунтов. Вышеупомянутая резвость и приятная округлость привлекали определенный человеческий тип, к счастью для него – достаточно богатый.

Фредди поддался его чарам, когда жил в Лондоне. Познакомились они на скачках, и с той поры Р. Джонс был другом и наставником графского сына. Вот почему весенним утром, а точнее – ровно в полдень сын этот обрадовался, когда ему открыл сам хозяин.

– Ах ты, ах ты, ах ты! – резво заметил Р. Джонс. – Кого мы видим! Счастливый жених собственной персоной!

Как и граф Эмсворт, он радовался будущей женитьбе. Когда Фредди перестал получать субсидию, он огорчился. Ко-

нечно, у него были другие источники дохода, но там приходилось все же ударять пальцем о палец. И вот появилась невеста миллионера...

– Одно слово – блудный сын! – продолжал он. – Давненько не виделись, давненько. Ай-ай-ай, как не совестно! Ну, полегче стало?

Фредди сел и принялся сосать набалдашник трости.

– Да нет, Дикки, не сказал бы. Удалось вот уехать, отцу надо в город, но в три часа едем обратно. Денег как не давал, так и не дает. Вообще я сел в лужу.

Резвые толстые люди тоже знают печаль. Р. Джонс загрустил и сослался на особо трудные времена. Как и думал Скотленд-Ярд, он давал деньги в долг, но не тогда, когда клиент сидел в луже.

– Нет-нет, – заверил Фредди, – я не о том! Честно говоря, у меня есть пятьсот фунтов. Наверное, хватит.

– Смотря на что, – возразил Р. Джонс, снова обретший резвость. Думал он о том, как хорошо бы встретить идиота, который дал Фредди столько денег. Где они, эти филантропы?

Фредди тем временем вынул из кармана портсигар, а из портсигара газетную вырезку.

– Про Перси слышали? – спросил он.

– Про какого Перси?

– Ну, про Стокхита.

– А, лорд Стокхит! Мало того, я был в суде, все три дня. –

Р. Джонс приятно хихикнул. – Ваш приятель? Может, родственник? А, кузен! Видели бы вы его на перекрестном допросе! Ухохочешься. А письма-то, письма! Читали, понимаете, вслух, и это уж...

– Не надо! – вскричал Фредерик. – Дикки, не надо! Я все знаю, я видел газету. Его выставили таким дураком...

– Что подделаешь, он дурак и есть. Да, ощипали голубчика! Фредди просто дернулся от боли.

– Дикки, не надо! Я не могу!

– Чего он вам дался?

– Не в нем дело. Дикки, я сам влопался.

– Ну! Обещали жениться?

– Не то чтобы обещал... Давайте я по порядку. Помните «Девуцу из Дублина» в прошлом году? Там была одна хористка.

– Больше, больше. Целая куча.

– Вообще-то больше, но одна – особенная. Ее зовут Джоан Валентайн. Мы с ней не знакомы.

– Минуточку! Ничего не понимаю.

– Ну как же? Я ходил в театр каждый день, жутко в нее влюбился...

– И не пошли за кулисы?

– Именно. Я был такой кретин...

– Не скромничайте!

– Был, был, а то бы познакомился. Но я ей писал. Объяснялся в любви.

– Предложение делали?

– А?

– Просили выйти за вас замуж?

– Не помню. Наверное, просил. Жутко влюбился.

– Почему вы с ней не встретились?

– Она не хотела. Приглашаю в кафе – не идет. И на письма не отвечала. А потом...

Голос его угас. Он присосался к набалдашнику.

– Да?

Фредди залился алым румянцем и глядел в сторону.

– Стихи!..

Р. Джонс затрясся и засверкал глазками.

– Стихи ей писали?

– Ярдами, Дикки, ярдами! Видите, как я влип? Теперь, после Перси, такие дела вошли в моду. Прочтет объявление о помолвке – и все, конец! Наверное, только того и ждала. У нее все карты. Если в суде прочитают стихи, мне вообще придется уехать. А дома что будет! Отец меня убьет. Влип, ничего не скажешь.

– Что ж я могу сделать?

– Письма от нее получить! Я сижу в деревне. Потом, я вообще бы не справился. Тут нужен умный, бывалый человек.

– Спасибо за комплимент, только этого маловато. Вот вы говорили, пятьсот фунтов?..

– Говорил, говорил. Пожалуйста. Так вы пойдете? Хватит ей этого?

– Посмотрим...

Фредди поднялся со стула почти счастливый. Скотленд-Ярд не доверял Р. Джонсу, а Фредерик Трипвуд – доверял.

– Спасибо, Дикки, спасибо! – сказал он, пылко трясая его руку. – Значит, поручаю все вам. Если что, напишите. Спасибо, до свиданья, пип-пип.

Дверь закрылась. Р. Джонс с удовольствием хрустел купюрами. Он был совершенно счастлив. Удастся его миссия или нет, небеса послали ему целых пятьсот фунтов.

Глава III

1

Граф Эмсворт стоял в дверях столовой и рассеянно, но благосклонно глядел на собратьев по клубу, которые, звеня ножами и вилками, ели второй завтрак. Если бы кто-нибудь оглянулся, ему бы показалось, что новоприбывший позирует для статуи, олицетворяющей Приветливость. Бледноголубые глаза сияли сквозь очки, улыбка говорила о полном мире, солнечный свет окружал ореолом лысую голову.

По-видимому, графа никто не заметил. Он так редко бывал в Лондоне, что в клубе его не знали, да и вообще старый консерватор⁷ не станет замечать за едой того, что не стоит на столе. Чтобы привлечь его внимание, надо быть не графом, а бараньей котлетой.

Не решаясь пройти меж рядами и найти себе столик, робкий пэр стоял бы до бесконечности, если бы к нему не подскочил метрдотель Адамс, непрестанно сновавший по залу, словно сенбернар в поисках путников.

– Столик, ваша светлость? – спросил он. – Сюда, ваша

⁷ «Клуб старых консерваторов» – часто упоминается в романах о лорде Эмсворте. Под этим названием Вудхаус изображает клуб «Карлтон», основанный в 1832 г. герцогом Веллингтоном.

светлость.

Кто-кто, а метрдотель помнил пэра. Собственно, он помнил всех. Лорд Эмсворт, нежно улыбаясь, последовал за ним к дальнему столику. Адамс вручил ему меню и стал поджигать, заботливо, как Провидение.

– Мы редко вас видим, ваша светлость, – начал он. Ему полагалось по должности знать вкусы всех членов клуба. Одним он вручал меню быстро, молча, деловито, почти резко, словно понимая, что есть минуты, когда не до разговоров. Другие предпочитали беседу, в которой тема еды – на втором плане.

Изучив меню с кротким любопытством, граф положил его на столик и охотно ответил:

– Да, я редко бываю в городе. Я его не люблю. Вот деревня... поля... леса... птицы...

Заглядевшись на что-то, он умолк, потом вопросительно посмотрел на Адамса:

– О чем я говорил, мой дорогой?

– О птицах, ваша светлость.

– О птицах? О каких птицах?

– Вы говорили о прелестях сельской жизни, ваша светлость. Птицы – это пример.

– А! Да, да, да. Да, да, да, конечно. Вы ездите за город?

– Главным образом к морю, ваша светлость. Когда беру отпуск.

Граф снова на что-то загляделся, презрев все земное. По-

том вышел из транса.

– О чем мы говорили, мой дорогой?

– Я сказал, ваша светлость, что едзу к морю.

– А? Э? К какому морю?

– На берег Ла-Манша, ваша светлость.

– Почему?

– Отдохнуть, ваша светлость. В отпуск.

– Во что?

– В отпуск, ваша светлость.

– А зачем?

Адамс улыбался на службе только профессиональной улыбкой, которая необходима, если клиент пошутил, и сейчас он отложил реакцию на будущее, чтобы посмеяться вместе с женой. Адамсы ждали гостей, а метрдотель любил публику. Вы бы не догадались по его виду, что в своей среде он слышет блестящим имитатором; но в последнее время ему доставало достаточно курьезных случаев. Радуюсь удаче, он все же горевал о том, что редко встречается с владельцем Блэдингского замка.

– Адамс, – спросил тем временем граф, – кто это там, у окна? Ну, в коричневом костюме.

– Это мистер Симмонс, ваша светлость. Присоединился к нам в прошлом году.

– В жизни не видел, чтобы откусывали такие куски! А вы видели?

Адамс воздержался от ответа, но внутри, в душе, просто

расцвел. Мистер Симмонс был одной из его лучших моделей. Рассказ о том, как лорд Эмсворт подмечает его недостатки, сулил истинный триумф, хотя жена, видимо, скажет, что эту сцену не стоит разыгрывать при детях.

– Он, – продолжил граф, – роет себе могилу. Да, роет. Зубами. Вы откусываете большие куски?

– Нет, ваша светлость.

– Это хорошо. Это разумно. Очень разумно, Адамс. Очень... О чем я говорил?

– О том, ваша светлость, что я не откусываю больших кусков.

– Правильно. И не откусывайте. У вас есть дети?

– Да, ваша светлость, двое.

– Надеюсь, вы их учите есть медленно. Иначе им придется плохо. Вот американцы едят быстро и портят себе желудок. Мой знакомый американец, мистер Питерса ужасно страдает.

Адамс понизил голос и доверительно проурчал:

– Не считите за дерзость, ваша ссссвв... я читал в газете...

– О желудке мистера Питерса?

– Об его дочери, ваша ссссс, и мистере Фредерике. Разрешите принести поздравления?

– Э? Что? Принести? А, да, да, да, принесите. Да, да. Конечно. Оч-чень хорошо. Давно пора уgomониться. Я так и сказал. Сиди без денег, в город не езди – да, да, пусть посидит, бездель...

У лорда Эмсворта бывало просветление, и он внезапно понимал, что говорит сам с собой. Мгновенно одумавшись, он заказал бульон. Ему было неудобно перед Адамсом, но тут он увидел, как мистер Симмонс ест сыр, и забыл обо всем.

Бульон вернул благодущие. Когда Адамс снова подошел к столику, граф осведомился:

– Значит, вы читали о помолвке?

– Да, ваша светлость, в «Дейли мэйл». А в «Дейли миррор» есть фотографии. Миссис Адамс их вырезала и положила в альбом. Не примите за дерзость, очень красивая молодая леди.

– Очень, Адамс, очень. И богатая. Мистер Питерс – миллионер.

– Так и сказано в газете, ваша светлость.

– Они там все миллионеры. Интересно, как им удастся? Надеюсь, он честный человек, а вот желудок – никуда! Ел большими кусками. Вы не едите большими кусками, Адамс?

– Нет, ваша светлость.

– Покойный Гладстон⁸ жевал все по тридцать три раза. Очень разумно, если не спешишь. Какой вы порекомендуете сыр?

– Многим, ваша светлость, нравится горгонзола.

– Прекрасно, прекрасно, превосходно. Что в американцах хорошо, это их деловитость. Мистер Питерс в одиннадцать

⁸ Уильям Юарт Гладстон (1809–1898) – английский государственный деятель. С 1868 по 1894 г. был четыре раза премьер-министром.

лет зарабатывал двадцать долларов в неделю. Продавал мяту в салуны, это у них такие кафе. Не могу понять, зачем им мята. Видимо, для кошек. Вы подумайте, двадцать долларов! Это четыре фунта. Я в одиннадцать лет столько не зарабатывал. Точнее, я никогда столько не зарабатывал. Поразительно, Адамс! Если бы каждый был таким деловитым... Я сыр съел?

— Еще нет, ваша светлость. Я собирался послать за ним лакея.

— Не надо. Пусть принесет счет. У меня встреча.

— Разрешите взять вилку, ваша светлость?

— Э? Что? Вилку?

— Вы машинально положили вилку в карман.

Лорд Эмсворт вынул вилку, словно неопытный фокусник, чей фокус удался против всех ожиданий, и с удивлением взглянул на Адамса:

— Кажется, я становлюсь рассеянным, мой дорогой. Вы не замечали?

— О нет, ваша светлость!

— Очень странно, очень... Пожалуйста, вызовите такси.

— Швейцар сейчас подзовет, ваша светлость.

— И верно! Швейцар. До свиданья, Адамс.

— До свиданья, ваша светлость.

Лорд Эмсворт благодушно направился к двери. Адамс благоговейно смотрел ему вслед.

Катясь по солнечным улицам, граф нежно улыбался бес-

численным жителям Лондона. Все беспокоились; он был счастлив. Беспокоиться, в сущности, — специальность двадцатого века, но лорд Эмсворт ее не ведал. Быть может, в его жизни не было тех, высших, чувств, которые уподобляют нас богам. Он не знал того трепета, какой вызывает в нас победа; зато не знал и стыда, связанного с поражением. Имя его после смерти не войдет в анналы истории, но он к тому и не стремился. Он был счастлив, как только может быть счастлив кто-то в наш тревожный век.

Автомобиль остановился у дома с веселыми цветами на окнах. Лорд Эмсворт заплатил шоферу и посмотрел на дом, гадая, зачем он сюда приехал.

Несколько минут напряженной мысли решили проблему. Здесь жил мистер Питерс а он, то есть граф, должен посмотреть его скарабеев.

Именно, скарабеев.

Ска-ра-бей. Скоро-бей... Может быть, воробей? Нет, тогда — воробьев, и вообще их не собирают. Кто же это такие? Скорее всего рыбы.

* * *

В нашем мире есть люди, которые просто не умеют отдыхать; отдыхом они называют перемену работы. К этому многочисленному классу принадлежал Дж. Престон Питерс,

отец известной нам Эйлин, буквально помешавшийся на достаточно неприятных с виду египетских скарабеях.

Пять лет назад расшатавшиеся нервы привели его к нью-йоркскому врачу, который сказал, что надо занять хобби.

– Какое? – раздраженно спросил мистер Питерс у которого уже пошаливали и желудок и характер. Самое слово «хобби» не понравилось ему. Он занимался делом, а не всякой чушью – но врач заметил, что именно поэтому сейчас приходится выписывать чек на сто долларов. Это подействовало. Мистер Питерс совсем не любил выписывать чеки.

– Любое, – продолжал врач. – Чем вы интересуетесь?

Мистер Питерс подумал, но ничего не вспомнил. Даже еда почти перестала его интересовать.

– Вот я, например, – сообщил все тот же врач, – собираю скарабеев. Почему бы и вам этим не заняться?

– Потому, – отвечал мистер Питерс, – что я ничего о них не знаю. Кто они такие?

– Слово «скарабей», – с удовольствием начал врач, – происходит от латинского «scarabeus», то есть жук.

– Жуков я собирать не буду, – сказал мистер Питерс. – Еще чего! Жуков!

Врач подумал, не лучше ли обратиться к почтовым маркам, но все же пояснил:

– Скарабей – египетский символ в виде жука. Использовались они как печати, обычно – вправленные в кольца. Есть и простые украшения, скажем – из них низали ожерелья. На

многих скарабеех мы видим надписи, к примеру: «Мемфис велик вовеки».

Мистер Питерс мгновенно перешел от безразличия к приветливому любопытству.

– У вас такой есть?

– Простите?

– Этот, с Мемфисом. Я там родился.

– Вероятно, речь идет о другом Мемфисе.

– Ну, прямо! Другого нет. Мемфис – в Теннесси.

Врач был врачом, а не пациентом именно потому, что избегал споров.

– Посмотрим мою коллекцию, – предложил он, – тут, рядом.

Так мистер Питерс помешался на скарабеех.

– За сколько времени, – спросил он, – можно вот это собрать?

Врач своей коллекцией гордился.

– За сколько? – переспросил он. – Такую коллекцию? За много лет, мистер Питерс.

– Ну, прямо! – вскричал пациент. – Соберу за полгода. Спорим на сто долларов.

С этой секунды мистер Питерс вложил в скарабеев ту неудержимую энергию, которая принесла ему и миллионы, и гастрит. Он вынюхивал их, как собака – добычу. Он вытягивал их из всех уголков света и к должному сроку обладал огромной коллекцией.

На этом кончилась первая фаза его отношений со скарабеем. Он вызвал эксперта и попросил выдолбить плевелы. Эксперт не сплеховал. Когда он закончил работу, жуков осталось не более дюжины.

– Остальное, – пояснил он, – практически мусор. Рекомендую выбросить. А эти хорошие.

– В каком смысле? – спросил мистер Питерс. – Почему одни годятся, другие – нет? По-моему, они все одинаковые.

Эксперт часа два говорил о Новом царстве, Среднем царстве, Осирисе, Амоне, Нут и Бает, Хеопсе, династиях и гиксосах, царевне Гилухипе, царице Тиц, озере Зарухи и Книге мертвых. Говорил он со вкусом. Ему все это нравилось.

Выслушав его, мистер Питерс сказал: «Спасибо», пошел в ванную и вытер одеколоном виски. Так он стал истинным коллекционером. Важно ли, в конце концов, что ты собираешь? Раньше он собирал доллары, теперь – скарабеев, как собирал бы бабочек, старый фарфор или что еще, если бы они ему выпали. Годы шли, он любил жуков той любовью, которая сильнее влюбленности; любовью, ведомой только маньякам-собираателям. Отойдя от дел, он предался ей всем сердцем, лелея каждого жука, как лелеет золото скупец. Коллекционирование подобно пьянству. Оно начинается с развлечения и кончается неволей.

И вот, он любовался своими сокровищами, когда горничная доложила, что пришел лорд Эмсворт. Они хорошо относились друг к другу. Американская прыть зачаровывала

кроткого графа. Он был рад, что не обладает этим свойством, но как зрелище его одобрял; так человек не хочет стать пурпурной коровой, но с удовольствием на нее посмотрит. Что же до миллионера, он не видел таких людей за всю свою долгую жизнь. Однако была у них и общая черта – они собирали коллекцию.

Конечно, различались они и в этом. Мистер Питерс, как мы говорили, собирал яростно и упорно, лорд Эмсворт – благодушно и рассеянно. Музей в Бландингском замке был похож на лавку старьевщика-любителя. Рядом с Гуттенбергской Библией лежала пуля из-под Ватерлоо, изготовленная для туристов одной бирмингемской фирмой.

– Мой дорогой, – сказал граф, радостно входя в комнату, – надеюсь, я не опоздал? Зашел поесть в клуб.

– Я бы угостил вас, – сказал мистер Питерс, – но, сами знаете, я обещал врачу соблюдать диету. Один с Эйлин я как-то ем, а вот смотреть на человеческие блюда... нет, не могу.

Лорд Эмсворт сочувственно покурлыкал, сам он очень любил есть, мистер же Питерс перевел беседу в другое русло.

– Вот мои скарабеи, – сказал он.

Лорд Эмсворт надел пенсне, и кроткая улыбка сменилась тем, что кинорежиссер мгновенно опознал бы. Несчастный граф пытался «выразить интерес», хотя чутье подсказывало ему, что такой скуки он еще не испытывал.

Мы можем ругать нашу аристократию, можем ходить на митинги, но, ничего не попишешь, кровь – это кровь. Ан-

гбийский пэр, умирая со скуки, этого не покажет. Сызмальства привык он, гостя в замках, осматривать конюшни, выражая поддельную радость, и спартанские навыки держат его всю жизнь.

Мистер Питерс тем временем говорил о разных царствах, об Осирисе, об Амоне, о Нут и Бает, Хеопсе, гиксосах и со всем уж распелся, перейдя к царевне Гилухипе, озеру Зарухи и Книге мертвых. Время бежало...

– Посмотрите на этого, лорд Эмсворт.

Граф заморгал и очнулся, перескочив из приятных теплиц и тенистых садов в Лондон, где мистер Питерс почтительно и гордо держал на ладони какую-то пакость.

Пришлось ее взять. Судя по всему, хозяин ждал именно этого. Ну что ж...

– Ах! – сказал лорд.

– Хеопс четвертой династии, – сказал мистер Питерс.

– Простите?

– Хеопс! Четвертой династии!

Лорд Эмсворт растерялся. Нельзя же, в конце концов, все время твердить «ах».

– Ой, господи! – воскликнул он. – Хеопс!

– Четвертой династии.

– Боже ты мой!

– Каково, а?

Именно здесь беседу прервало Провидение, которое не даст в обиду хорошего человека.

– Простите, – сказала, входя, горничная, – вас к телефону.
– Я сейчас, – сказал гостю мистер Питерс.

– Пожалуйста, – заверил его благодарный лорд Эмсворт. –
Пожалуйста, пожалуйста, прошу. Не беспокойтесь.

Хозяин вышел. Он остался один. Солнце сияло за окном, на тихой улице. Были там и деревья. Граф любил их и одоб- рительно на них взглянул. Потом из-за угла вышел человек с тачкой, полной цветов.

Цветы! Несчастный граф, словно голубь, перенесся в свой замок. Цветы... Сказал он садовнику, что делать с гортензи- ями? А вдруг забыл? Тот в жизни сам не догадается!

Думая о садовнике, лорд Эмсворт заметил, что в руке у него что-то есть. И, положив загадочную штуку в карман, вернулся к размышлениям.

2

Примерно в то время, когда граф Эмсворт направлялся к мистеру Питерсу, на Стрэнде, в ресторане «Симеон», си- дели двое. Она была миниатюрной и приветливой девушкой лет двадцати, он – крепким молодым человеком с рыжева- то-каштановыми волосами и усиками, благоговейно и реши- тельно глядевшим на нее. Девушку звали Эйлин Питерс, мо- лодого человека – Джордж Эмерсон. Вообще он служил в Гонконге заместителем начальника полиции, сейчас – прие- хал в отпуск. Лицо у него было смелое, честное, подбородок

– упрямый.

В Лондоне много ресторанов: от тех, где вам кажется, что вы – в Париже, до тех, откуда вам хотелось бы туда перенестись. Есть чертоги на Пиккадилли, есть тихие места в Сохо, есть фабрики пищи на Оксфорд-стрит и на Тоттэнхем-корт-роуд. Есть мрачные заведения, где подают только овощи. Но «Симеон» – один.

Только здесь англичанин за полфунта буквально фарширует себя. Только здесь весомый уют сочетается с изяществом. Сюда приходят делегаты клерикального конгресса, чтобы съесть обед, которого хватит до следующего приезда. Сюда спешат отцы и дяди с детьми и племянниками, благословляя «Симеона», ибо только он накормит юного удава за человеческую цену. Сюда несутся суфражистки, чтобы разговеться после голодовки.

Хорошее место, спокойное, сердечное, истинный храм еды. Нет музыки, столь вредной для пищеварения, нет и широкого прохода, на который так тянет смотреть. Сидишь себе наедине с обедом, жрецы в белом тихо катят тележки, от которых поднимается пар, а по всему залу за столиками едят прихожане с тем сосредоточенным, решительным видом, который отличает питающегося англичанина, хищную рыбу, Теодора Рузвельта⁹ и гусеницу *Pseudaletia unipuncta*.

Говорят здесь мало, а сейчас говорили только двое.

– Вам надо, – сказала она, – жениться на Джоан Вален-

⁹ Теодор Рузвельт (1858–1919) – президент США в 1901–1909 гг.

тайн.

– Мне надо, – отвечал он, – жениться на Эйлин Питерс.

Она подняла упавшую на пол газету и развернула ее на столике. Он презрительно взглянул на фотографии Эйлин и объемистого хмурого юноши с тем напряженно-остекленелым взглядом, с каким смотрят в аппарат наши молодые люди.

Под одной фотографией было написано: «Мисс Эйлин Питерс, которая выходит замуж в июне за Фредерика Трипвуда», под другой – «Фредерик Трипвуд, который женится в июне на мисс Эйлин Питерс». Заголовок в центре полосы гласил: «Международная свадьба. Сын графа Эмсворта сочетается браком с наследницей американского миллионера». Купидон в звездах и полосах целился в молодого человека, купидон на нашем флаге – в девушку.

Журналист постарался. Без обиняков и оговорок он сообщал рядовому читателю, что Эйлин выходит за Фредди. Но Джордж Эмерсон рядовым читателем не был.

– Не верьте газетам, – сказал он. – Что это за жирные младенцы в купальных костюмах?

– Купидоны, Джордж.

– Почему?

– Они божества любви.

– При чем тут любовь?

Эйлин отрешенно съела жареную картошку.

– Джордж, – сказала она, – вы стараетесь меня рассердить.

Вы не знаете, как вредно сердиться за едой! Папа именно так испортил себе желудок. Пожалуйста, кликните официанта, пусть принесет еще баранины.

Джордж сурово оглядел зал.

– Почему, – спросил он, – в Лондоне все одинаковые? Мне говорили, что китайцев не отличишь друг от друга, но это ложь. А здесь... – Взгляд его скользнул по толстому джентльмену за соседним столиком, который тихо ел пирог с рыбой. – Видите этого типа в сером костюме? Если бы он стукнул вашего Фредди, связал и пришел вместо него в церковь, вы бы не заметили.

– Они совсем не похожи, – возразила Эйлин. – И какой он вам Фредди? Вы с ним не знакомы.

– Знаком. Мало того, он просил меня называть его по имени. «Да ладно, старик, какие Трипвуды? Для друзей я Фредди».

– Джордж, вы это выдумали!

– Ничего подобного. Мы познакомились вчера на боксерском матче. Он перехватил у меня пятерку.

– Вы просто хотите меня с ним поссорить. Это нехорошо, Джордж.

– То есть как «поссорить»? Я говорю чистую правду. Вы сами знаете, что не любите его и выйдете замуж за меня.

– Откуда вы взяли, что я его не люблю?

– Если вы, глядя мне в глаза, скажете: «Я его люблю», – все. Откажусь от своих притязаний и буду нести ваш шлейф.

– Официант уходит, – сказала Эйлин.

Джордж подозвал жреца и заказал еще баранины.

– Прощу, – холодно заметил он. – Наслаждайтесь.

– Да, Джордж! – воскликнула она. – Тут такое вкусное мясо!

– Станьте немного духовней. Я не хочу говорить о еде.

– На моем месте, Джордж, вы бы ни о чем другом не говорили. Я понимаю, у отца диета, но мне очень трудно есть одни орехи и травки.

– Так не ешьте. Вы просто помешались на своем отце! Не хотел бы его ругать...

– Ладно, Джордж, говорите прямо.

– И скажу. Вы его распустили. Нет, я никого не виню. Видимо, дело в характере. Он сердитый, вы уступчивая. Возьмем эту диету. Хорошо, ему нельзя ничего есть, кроме всяких бананов. А при чем тут вы? Почему он вас заставляет...

– Он не заставляет, я сама, чтобы ему было легче. Если я сдамся, он закажет *pate de fois gras*¹⁰. Или омара. Какой это ужас, Джордж! Аппетит десятилетнего мальчика, а желудок – Рокфеллера. По отдельности еще ничего, но вместе...

– Что ж, – сказал Джордж, – если вы морите себя голодом, говорить не о чем.

– Но вы все равно будете говорить?

– Конечно, буду. Возьмем этот идиотский брак. Кто его подстроил? Ваш папа. Почему вы не протестуете? Не хотите

¹⁰ Паштет из гусиной печенки (*фр.*).

его обидеть. Ладно, сделаю все за вас. Поеду в Бландинг.

– В Бландинг?

– Фредди меня пригласил.

– Джордж, дорогой, разве вы не читали книг по этикету?

Разве вы не знаете, что нельзя гостить у кого-то и ухаживать за его невестой? Так никто не делает!

– Никто? Взгляните на меня.

Эйлин мечтательно глядела вдаль.

– Интересно, – вымолвила она, – как это – быть графиней?

– Ответа вы не узнаете, – заверил Джордж. – Этот ваш кретин графом не станет. Старший брат, лорд Бошем, здоров как бык, и у него три здоровых сына. У Фредди столько же шансов на титул, как у меня.

– Джордж, вы мало читаете. Старшие сыновья беспрерывно ходят на яхтах со всей семьей. И тонут.

– Эйлин, хватит шутить. Я полюбил вас на «Олимпиаке», объяснился два раза там же и один раз в поезде. С тех пор восемь месяцев подряд я прошу вашей руки и устно, и письменно. Теперь я поехал домой, в Шотландию, вернулся – и что же? Вы собираетесь замуж за этого оболтуса.

– Вы – истинный рыцарь, Джордж. Другой бы на вашем месте ругал моего жениха.

– Зачем? Он кретин и пугало, но вообще я против него ничего не имею. Это вам он не подходит. Какой бы вы были женой серьезному рабочему человеку!

– Разве Фредди работает?

– Я не о нем, а о себе. Прихожу домой, устал, на службе бог знает что делается. Тут подходите вы, кладете мне на лоб прохладную руку...

Эйлин покачала головой:

– Не надо, Джордж. Вы мне очень нравитесь, но мы другу другу не подходим.

– Почему?

– Вы слишком сильный, слишком властный. Наверное, вы сверхчеловек, о которых так много пишут. А я слишком мягкая. Вам нужен кто-то вроде Джоан.

– Опять эта Джоан! Кто это?

– Моя школьная подруга, я ведь училась тут, в Англии. Потом я уехала, а вчера встретила ее на улице. Отец у нее разорился и умер, она очень много перенесла. Где она только не служила! В театре, в магазине, всюду. Какой ужас, да?

– Кошмар, – без особого пыла откликнулся Джордж.

– Она такая сильная, – продолжала Эйлин, – вы бы прекрасно ужились.

– Спасибо. Брак не бокс. Мне нужна кроткая, уютная, жалостливая жена. Поэтому я люблю вас.

Эйлин засмеялась:

– Ну, Джордж! Пойдемте, у меня масса дел. Если Фредди в городе, он захочет со мной повидаться.

Эмерсон покачал головой:

– И что вам дался этот Фредди? Ничего, приеду в Бландинг, там разберемся. Вам от меня не уйти.

Мы, умные, ученые романисты, сменяем романы на сценарии потому, что сценарий намного приятней и проще.

Скажем, если бы я писал сейчас для кино, на экране возникла бы надпись:

МИСТЕР ПИТЕРС
ОБНАРУЖИЛ ПРОПАЖУ

А зрители бы увидели, как сердитый человечек все это изображает. Минутное дело.

Печатное же слово требует большего.

Вынести бурю довелось той же Эйлин. Страдает всегда невинный.

– Старый гад! – кричал мистер Питерс.

– Папа!

– Что «папа»? Ну что «папа»? Да лучше бы он дом у меня отнял! Понимает, мерзавец, что почему. Казалось бы, можно оставить на секунду будущего родственника! Куда там! Коллекционер – хуже разбойника. Я бы скорее доверился синдикату Джесси Джеймс – Дик Тарпин – капитан Кидд¹¹. Хеопс четвертой династии! Он больше пяти тысяч стоит!

– Папа, напиши ему. Он такой милый. Это он не нарочно.

¹¹ *Джесси Джеймс* (1847–1882) – американский авантюрист. *Ричард Тарпин* (1705–1739) – английский разбойник. *Уильям Кидд* (ок. 1645–1701) – шотландский пират.

– Не на-роч-но?! А как, по-твоему? Взял на сохранение? Старый клептоман! Нарочно, нарочно, не волнуйся. У него в замке музей. Я бы пять тысяч дал, если там найдется хороший взломщик! Взял бы он скарабея, стукнул заодно твоего лорда...

– Папа, скажи ему, он отдаст.

– Прямо сейчас! Отдаст он! Он помолвку расторгнет. Только намекни, он такую отмочит фамильную честь!..

– Я не подумала.

– Ты вообще не думаешь, то-то и плохо, – заключил беседу мистер Питерс.

Эйлин не заплакала, она плакать не любила, но, при всей своей кротости, обиделась – такие сцены всегда огорчали ее – и, воспользовавшись минутным затишьем, выскользнула из комнаты.

Ей очень хотелось, чтобы ее утешили. Кто же? Джордж Эмерсон? Он может перейти от слов к действиям. Вероятно, он считает, что лучший способ утешения – посадить ее в такси и отвезти в регистратуру.

Тогда к кому же ей пойти?

Перед ней встал образ Джоан Валентайн – сильной, уверенной, веселой, несокрушимой. Она надела шляпку и пошла к ней.

Как ни странно, на четверть часа раньше туда же отправился мистер Джонс.

После бурной, тяжелой сцены приятно перенестись в обитель мира и счастья; и я рад, что летопись наша уводит далеко от мистера Питерса, в курительную комнату Бландинга, известную своим уютом.

Когда Эйлин шла к подруге, в комнате этой находились три человека. Поближе к дверям, в кресле, сидел и читал Фредерик Трипвуд. Неподалеку распластался молодой человек, смотревший сквозь очки в роговой оправе на спинки игральных карт (Руперт Бакстер, бесценный секретарь лорда Эмсворта, недостатков не имел, но пасьянсом баловался). Дальше находился сам граф, тихо куrivший сигару.

Книга, которую читал Фредди, привлекала красно-бело-желтой обложкой, украшенной вдобавок чернобородым человеком, светлобородым человеком, безбородым человеком и дамой, состоящей из глаз и волос. Чернобородый человек из каких-то своих соображений привязал даму к сложной машине, светлобородый помогал ему, а вот безбородый, вылезая из люка, целился в них обоих.

Под картинкой была подпись: «Руки вверх, негодяи!», а наверху — надпись: «Феликс Кловли. Похождения Гридли Квэйла, сыщика». Фредди читал с упоением. Лицо его пылало, волосы встали дыбом, глаза вылезли. Он переживал то же самое, что герои.

В наше время всякий, если постарается, найдет словесность, соответствующую его умственному уровню. Серьезные ученые люди терзали Фредди латынью, греческим и английским, но он с овечьим постоянством отвергал все шедевры, созданные на этих языках, предполагая, что, кончив школу, читать ничего не будет.

Однако он ошибся. Через годы он стал читать о Гридли Квэйле, сыщике. Только Гридли вносил свет в его унылую жизнь, был оазисом в пустыне. Хорошо бы, думал Фредди, познакомиться с человеком, который это пишет...

Лорд Эмсворт курил, прихлебывая виски с содовой, опять курил, опять прихлебывал и наслаждался миром. Разум его был пуст настолько, насколько может быть пустым человеческий разум.

Левую руку граф рассеянно сунул в карман, и пальцы его стали рассеянно играть каким-то небольшим предметом.

Постепенно он понял, что предмет этот какой-то новый – не карандаш, не ключи, не мелочь.

Он его вынул и рассмотрел. Предмет оказался достаточно противным жуком.

– Откуда он взялся? – сказал граф.

Фредди не ответил. Аннабел, героиня, совершенно измоталась – то ее похищали, то сажали в темницу. Гридли Квэйл шел по следу, непрестанно верша суд. Словом, младшему сыну было не до бесед с отцом.

Руперт Бакстер получал деньги за беседы с хозяином и

оторвал взгляд от пасьянса.

– Да, лорд Эмсворт?

– Я тут что-то нашел, Бакстер. Что это, а?

Руперт Бакстер едва не охнул от восторга.

– Великолепно! – вскричал он. – Нет, просто поразительно!

Граф с любопытством взглянул на него.

– Это скарабей, – пояснил Бакстер, – по-видимому... смею сказать, я разбираюсь в таких делах... Хеопс четвертой династии.

– Правда?

– Несомненно. Простите за нескромность, вы были у Кристи?

Граф покачал головой:

– Нет-нет, я не мог. Я обещал зайти к мистеру Питерсу, посмотреть... Что он собирает?

– Скарабеев, лорд Эмсворт.

– Скарабеев! Да, их. Помню, помню. Он мне это дал.

– Дал?

– Конечно. Помню как сейчас – рассказывал всякие вещи, а потом дал. Значит, он очень дорогой?

– Бесценный.

– Ой, господи! Вы подумайте, Бакстер, какие они добрые эти американцы! Буду хранить, буду хранить, хотя что в нем хорошего? Но дареному коню...

Вдалеке зазвенел чистый голос гонга. Лорд Эмсворт под-

нялся.

– Уже обед? Как бежит время... Бакстер, вы будете проходить мимо музея. Положите его туда, сделайте одолжение! Вы в них лучше разбираетесь. Только там скользко, я красил вчера стул и немножко разлил краску.

Граф бросил на сына менее приветливый взгляд.

– Фредерик, – сказал он, – иди и оденься. Что ты такое читаешь?

– А? Что?

– Иди и оденься. Бидж звонил в гонг пять минут назад. Что ты читаешь?

– Да так, отец. Книжку.

– Гадость какую-нибудь...

Граф направился к двери. Лицо его снова осветилось.

– Нет, какой добрый человек! – сказал он. – В этих американцах есть что-то восточное...

Р. Джонс разыскал адрес Джоан за шесть часов, что свидетельствует о его энергии и его системе розыска. Вывалившись из кеба, он нажал на звонок; вскоре появилась служанка.

– Мисс Валентайн дома? – спросил он.

– Да, сэр.

Р. Джонс вынул карточку.

– Скажите, по важному делу. Минутку. Я напишу.

Начертав что-то на карточке, он воспользовался пере-

дышкой, чтобы тщательно все оглядеть – выглянул во двор, заглянул в коридор и сделал лестные для Джоан выводы.

«Если бы она была из тех, кто вцепится в письма, – подумал он, – она бы в таком месте не жила. Значит, она их сразу выбрасывала».

Да, так размышлял он, стоя перед дверью, и мысли эти были важны, определяя его дальнейшее поведение. Видимо, здесь надо вести себя деликатно, по-джентльменски. Тяжело, ничего не скажешь, но иначе нельзя.

Служанка вернулась и выразительным жестом указала, где комната Джоан.

– Э? – спросил он. – Наверх?

– И прямо, – отвечала служанка.

На лестнице было темно, гость спотыкался, пока путь ему не осветил свет из раскрывшейся двери. У стола, чего-то ожидая, стояла девушка, и он отсюда вывел, что цель достигнута.

– Мисс Валентайн?

– Заходите, пожалуйста.

– Темновато у вас.

– Да, садитесь.

– Спасибо.

Предположения подтверждались. Р. Джонс научился читать по лицам, иначе в большом городе пропадешь, и понял, что девушка – не из щучек.

У Джоан Валентайн были пшенично-золотистые волосы

и глаза того самого цвета, какой мы видим в зимнем небе, когда солнце освещает морозный мир. Сверкал в них и морозец, Джоан много вынесла, а испытания по меньшей мере создают вокруг нас стенку. Синева могла обрести атласный оттенок Средиземного моря, мурлыкающего у французских селений, могла – но не для всякого. Сейчас Джоан глядела просто, прямо, с вызовом и казалась именно такой, какой была, – и сдержанной, и беззаботной. Она тоже умела читать по лицам.

– У вас ко мне какое-то дело? – осведомилась она.

– Да, – отвечал гость. – Да... мисс Валентайн, поймите, я не хотел бы оскорбить вас.

Джоан подняла бровь. На мгновение ей показалось, что незнакомец напился.

– Что-что?

– Сейчас объясню. Я пришел к вам, – Р. Джонс становился все деликатней, – по исключительно неприятному делу. Для друга, только для друга... Надо человеку помочь...

Оставив прежние мысли, Джоан предположила, что этот толстый субъект собирает пожертвования.

– Меня просил зайти к вам Фредерик Трипвуд.

– Кто?

– Вы с ним не знакомы. Когда вы играли на сцене, он несколько раз писал вам. Может быть, вы не помните?

– Да, не помню.

– Может быть, вы уничтожили письма?

– Конечно, я писем не храню. А что?

– Видите ли, Фредерик Трипвуд собрался жениться и опасается... Э...

– Что я его буду шантажировать? – спокойно и грозно спросила Джоан.

– Ну что вы! Дорогая мисс Валентайн!..

Джоан встала. Беседа явно подошла к концу.

– Передайте мистеру Трипвуду, – сказала она, – чтобы он не беспокоился. Опасности нет.

– Конечно, конечно, конечно! Так я и думал. Значит, передать, что письма выброшены?

– Да. До свиданья.

– До свиданья, мисс Валентайн.

Дверь закрылась, Р. Джонс остался в полной темноте, но не захотел вернуться, чтобы Джоан ее не приоткрыла. Он был рад, что унес ноги. Его часто встречали неприветливо, и все-таки во взгляде этой барышни было что-то особенно неприятное. Насчет писем он ей поверил, хотя и собирался сказать Фредди, что едва-едва справился с делом, истратив пятьсот фунтов. Но это так, деловая мелочь.

Когда он добрался до последней ступеньки, внизу позволили; и внезапное озарение побудило его мгновенно взобраться наверх, почти к самой двери. Там, в углу площадки, он притаился.

Внизу раздался женский голос:

– Мисс Валентайн дома?

– Дома, только занята.

– Скажите ей, пожалуйста, что к ней пришла мисс Питерс.

Эйлин Питерс.

Р. Джонс вцепился в перильца. Он все понял. Людям доверять нельзя. Вот, он ей поверил, а она все время вела свою хитрую игру. Ну и девица! Пригласила эту невесту, а теперь посмотрит, кто больше даст. Если бы не счастливый случай, Фредди и его Эйлин оказались бы на аукционе. Он знал такой трюк, им пользовался, но чтобы особа женского пола... Времена, однако, пошли!

Думая все это, он отступал к стене, в самый угол. Дверь открылась. Служанка сказала:

– Ой, он ушел!

– Да. А что?

– Там к вам одна дама, мисс Питерс.

– Пускай зайдет.

Служанка, человек простой, крикнула вниз:

– Она говорит, идите!

По лестнице зацокали каблучки. Потом слышались голоса:

– Эйлин, что случилось?

– Джоан, я не помешала?

– Нет-нет. Заходи. Просто очень поздно. Что-нибудь случилось?

Дверь захлопнулась, служанка нырнула во тьму, Р. Джонс

осторожно пополз вниз. Он совсем растерялся. По-видимому, Джоан не щучка, они давно знакомы. Ничего не понять!

Поступью индейца он снова подкрался к двери и обнаружил, что слышимость прекрасная.

5

Тем временем Эйлин, уже в комнате, быстро успокаивалась от одного присутствия Джоан. Надо сказать, та глядела теперь совсем иначе, мягче, хотя к мягкости примешивалось не только сострадание, но и снисхождение. Жизнь компенсирует свои удары тем, что их жертвы обретают способность смотреть снисходительно, если не презрительно на мелкие горести счастливых. Джоан помнила, что ей вечно приходилось утешать и защищать подругу; кротость притягивала мелкие стрелы судьбы, и людям определенного типа хотелось стать ей щитом. Именно это желание лишило сна Джорджа Эмерсона, а сейчас шевельнулось в Джоан! Она, считавшая счастливым тот день, когда удавалось заплатить за жилье, чувствовала, что все ее заботы – ерунда перед заботами гостыи. Вероятно, та потеряла брошку или кто-то был с ней невежлив, но ведь для нее это трагедия. В сущности, беда, как и красота, субъективна, и для Эйлин утрата брошки значит больше, чем для нее, Джоан, утрата той жизни, когда ты не голодаешь.

– Что с тобой? – спросила хозяйка. – Расскажи мне.

Эйлин села и огляделась. Самый вид комнаты успокоил ее, как успокаивает нашу странную душу зрелище чужих несчастий. Она не могла бы изложить свои мысли, но получилось, что есть беды похуже дурного пищеварения. Окинув взглядом вытертый ковер, старые обои, несвежие занавески, она даже смутилась.

– Да ничего, – сказала она. – Наверное, расстроилась по пустякам.

– Ну, расскажи пустяки, – предложила Джоан.

– Понимаешь, папа...

– Опять на тебя кричал?

– Не совсем на меня. Скорее, при мне.

Джоан стало полегче. Она вспомнила, что парижские шляпки и дорогие костюмы связаны с большими неудобствами. Сама она хотя бы свободна. Может быть, ей не к лицу одежды из лондонской лавки, но никому не придет в голову сорвать на ней гнев.

– Ужас какой! – сказала она. – Как же это было?

Повторив для порядка, что «это» пустяки, Эйлин повела подругу недавние события. Подруга слушала ее, подавляя желание хихикнуть. Она не понимала, что для мистера Питерса какой-то древний жук дороже бриллиантового ожерелья. Однако последняя фраза привлекла ее внимание.

– Папа говорит, – сказала Эйлин, – что не пожалеет за него тысячи фунтов.

– Он пошутил? – проверила Джоан.

– Ну что ты!

– Тысячу фунтов!

– Для него это не так много. Он давал своему университету по сто тысяч долларов в год.

– За какого-то скарабея?

– Ты не понимаешь, он просто на них помешан. Это же коллекция! В газетах вечно пишут о людях, которые платят дикие деньги за всякую чепуху.

Приникнув ухом к двери, Р. Джонс жадно впитывал ее слова, но отскочил, когда где-то выше мелькнул свет и кто-то стал спускаться по лестнице. Мигом скатившись к выходу, он с неожиданной ловкостью выскочил на улицу и спокойно направился к Лестер-сквер, раздумывая об услышанном. Большая часть его доходов рождалась от таких размышлений.

Тем временем Джоан смотрела на Эйлин так, словно ей явилось видение. Она встала. Есть случаи, когда говорить надо стоя.

– Твой отец, – сказала она, – даст тысячу фунтов тому, кто вернет скарабея?

– Конечно, – отвечала гостья. – Но кто его вернет?

– Я.

Эйлин беспомощно смотрела на нее. Со школьных времен она поклонялась Джоан; и сейчас ей казалось, что она сама привела в ход какой-то могучий механизм.

– Ты?!

– Да это очень просто. Этот ваш граф увез скарабея в замок. Ты едешь туда в пятницу. Возьми меня с собой.

– Тебя?!

– А что такого?

– Как же я тебя возьму?

– Вот так.

– Нет, как...

– Что тут трудного?

– Ты же моя подруга... Если ты его украдешь, граф рассердится на папу...

– М-да... Хорошо. Сделаем иначе. Так, так, так... Минутку... Вот! Возьми меня как горничную.

– Ой, что ты!

– Возьми, возьми.

– Я не могу...

Джоан подошла к ней и твердо взяла ее за плечи.

– Эйлин, – сказала она, – не спорь. Ты меня не убедишь. Убедила бы ты волка, когда он гонится за хорошим, откормленным крестьянином? Вот так и тут. Эти деньги мне нужны, и я получу их. С этой минуты я – твоя горничная. Прежнюю можешь на время отпустить.

– Джоан, – сказала Эйлин, – это смешно, какая ты горничная? Слуги сразу тебя разоблачат. У горничных столько всяких дел, столько правил...

– Я их все знаю. Я была горничной.

– Не может быть!

- Была, была. Три года назад, когда совсем сидела на мели. Пошла по объявлению и служила.
- Чего ты только не делала!
- Да, я делала почти все. Хорошо вам, сытым, можете размышлять над жизнью, а нам приходится работать.
- Эйлин засмеялась.
- Знаешь, – сказала она, – ты всегда меня побеждала. Спорить незачем?
- Конечно. Да, запомни, я тебе не Джоан, я Валентайн. Нет, нет. Три года назад меня так называли, но сейчас выберем что-нибудь другое. Тебе ничего не приходит в голову?
- Эйлин задумалась:
- Может быть, Симеон?
- Замечательно! Ну, репетируем. Скажи это мягко, но от-
решенно, как будто я червь, который тебе скорее нравится.
- Симе-он...
- Неплохо. Еще раз, повысокомерней.
- Симеон... Симеон... Симеон.
- Прекрасно!
- Чему ты смеешься?
- Да так, вспомнила. Наверху живет один человек, я вчера учила его предприимчивости. Интересно, что бы он сказал, если бы увидел, как я осуществляю свои советы на практике?

Глава IV

1

На следующее утро Эш сидел дома и пытливо читал объявления в «Морнинг пост». Привычные филантропы продолжали свое дело. Брайан Макнил приманивал народ золотом, равно как и Энгус Брюс, Данкан Макфэрлан, Уоллес Макинтош и Дональд Макнэб. Молодой христианин по-прежнему жаждал тысячи. Однако было тут и новое: «Требуется молодой человек приятной наружности, бедный, предприимчивый, смелый. Работа опасная и тонкая. Плата высокая. Обращаться с 10 до 12 в юридическую контору «Мейнпрайс, Мейнпрайс и Бул», Денвер-стрит, 3».

Пока он читал, небольшие часы, стоявшие на столике, пробили 10.30. Вероятно, именно это все и решило. Если бы он мог пойти туда попозже, барьеры лени преградили бы ему путь; а так – он мигом вскочил.

Обувшись и кинув взгляд в зеркало (да, наружность приятная), он схватил шляпу, выбежал на улицу и схватил такси, ощущая, что готов на все, кроме убийства. Ему всегда нравились книги, где рыцари вскакивают на коня и скачут к дракону. Такси и юристы – практически то же самое. С такими чувствами он и входил в контору.

– Я по объ... – начал он, обращаясь к рассыльному.

– Займите очередь, – сказал тот, и Эш заметил, что в приемной полно народу. Объявления, начинающиеся со слова «требуется», быстро вытягивают с лондонского дна очень странных тварей, приносящих с собою весь темный ужас глубин. Нет сомнения, что никому на свете они не требуются, но, выйдя на поверхность, да еще сбившись в кучу, они обретают какую-то безнадежную надежду.

Эш вошел последним, когда стрелки на корпулентных часах показывали 10.20. Наспех отряхнув костюм, пригладив волосы, чтобы подчеркнуть приятную наружность, он миновал ворота судьбы.

Комната отличалась той неприютностью, которую умеют создавать юристы. Так и казалось, что ее не подметали с 1786 года. Окно было маленькое и мутное, как и положено юридической конторе. Быть может, беспечный Мейнпрайс или ветреный Бул открыл его на радостях, услышав весть из Ватерлоо, но с той поры это не повторялось.

В окно, а точнее – на окно, ибо взгляд не пробил бы грязи, смотрел невысокий человек. Когда Эш вошел, он обернулся, и так, словно его ударили в особенно нежное место. Глаза его с истинной мукой глядели из-под сивых бровей. Отчасти это объяснялось недавними беседами, отчасти – болью в животе.

Вынув изо рта сигару, он проглотил таблетку. Лицо его превращалось из перекошенного в удивленное.

– Что вам нужно? – спросил он.

– Я по объявле...

– А, это ко мне! Я уж совсем отчаялся. Что за типы, нет, что за типы! Когда я пишу «молодой человек приятной наружности», это значит «молодой» и «приятной», а не бродяга лет за пятьдесят.

Соболезнуя своим предшественникам, Эш тем не менее признал, что описание удачно.

– Больше не могу, – продолжал незнакомец. – Есть там кто еще?

– Вроде не было.

– Тогда – к делу. Не подойдет, черт с вами. Садитесь.

Эш сел, хотя тон ему не понравился.

– Что ж, – сказал загадочный человек. – С виду вы годитесь. Вылитый лакей. Высокий, худой, незаметный. Да, тут все в порядке.

– Простите, – сказал Эш, – если вам нужен лакей, обратитесь к кому-нибудь другому. Мне это не подходит. До свиданья.

Он встал, сожалея о том, что нельзя швырнуть в незнакомца очень хорошую чернильницу.

– Сядьте! – рявкнул тот.

Эш снова сел. Весной, да еще когда вам двадцать шесть, надежда живуча.

– И не дурите. Просто лакей мне не нужен.

– А, вы хотите, чтобы он шил и стряпал?

– Острота, а?

– Вероятно.

Незнакомец немного помолчал.

– Ладно, – сказал он наконец. – Оно и лучше, только нахал выдержит такое дело. Я думаю, мы сработаемся.

– А какая у вас работа?

Незнакомец пытливо взгляделся в Эша. Тот ответил улыбкой.

– Прямо не знаю, как объяснить... Я собираю скарабеев. С тех пор как я оставил бизнес, я только ими и живу. У меня – лучшая частная коллекция. Ясно?

– Ясно, босс.

– Не называйте меня «босс»!

– Я так, по-дружески. А как вас называть?

– Мистер Питерс. Я Дж. Престон Питерс.

– А я Эш Марсон. Так вы говорили?..

Шекспир и Поуп уверяют, что дважды рассказанная повесть наводит тоску. Поэтому мы не сделаем этой ошибки, хотя и заметим, что версия мистера Питерса весьма отличалась от спокойной, беспристрастной летописи, которую вы читали. Графа Эмсворта, в частности, он назвал пронырой и чучелом.

– Значит, – подытожил Эш, – надо украсть скарабея. Хорошо, но при чем тут лакей?

– А кто еще? Взломщик, да? Секретаря у меня нет, это все знают.

– Ясно. А если я попадусь, тогда что?

– Ничего. Выкручивайтесь как можете. Мы с вами понимаем, что это не кража, а судьи с присяжными не поймут. Да, риск большой, но и плата немалая. Пять тысяч долларов!

Эш чуть не подскочил.

– Пять тысяч! Тысяча фунтов?

– Да.

– Когда начинаем?

– Вы согласны?

– Еще бы!

Мистер Питерс расплылся от радости и даже похлопал Эша по плечу.

– Молодец! – сказал он. – Ждите в пятницу в четыре часа на Паддингтонском вокзале.

2

Оставалось сообщить новости Джоан. Не всё, конечно, а так, главное: «Вы советовали взяться за что-нибудь этакое? Ну что ж. Я служу лакеем».

Когда он это сказал, Джоан спросила:

– У кого?

– Американец один, такой Питерс.

Женщин учат с малолетства скрывать свои чувства. Джоан не взвизгнула.

– Не Дж. Престон Питерс?

– Он самый. Вы его знаете?

– Я нанялась горничной к его дочери.

– А что?!

– Решила поехать на воздух. Мы с ней давно знакомы, вот она и возьмет меня в Бландингский замок.

– Но... но...

– Да?

– Какое совпадение!

– Да. А почему вы решили стать лакеем?

– Я... э... нужно для книг.

– А! Собираетесь описывать герцогов?

– Нет-нет. Скорее... э...

– Как же вы вышли на Питерса?

– По объявлению.

– Ага, ага...

– Вместе нам будет веселее.

– О да!

Они помолчали.

– Я решил вам сразу сказать, – снова начал Эш.

– Да?

– Я – у отца, вы – у дочери...

– Да.

– Поразительно!

– О да!

Больше ему ничего не приходило в голову. Станные люди эти девушки, думал он.

Когда он вышел, она подбежала к двери и прислушалась.

Когда дверь внизу явственно хлопнула, она кинулась на улицу.

Там она пошла в соседнюю гостиницу и спросила скорбного швейцара:

– Скажите, пожалуйста, у вас есть «Морнинг пост»?

Романтический сын Италии был рад услужить Юности и Красоте. Он исчез и вынес мятую газету. Джоан его поблагодарила.

Вернувшись к себе, она нашла объявления и дважды прочитала то, которое читал Эш. Потом поглядела в потолок и покачала головой.

– Мистер Марсон, – сказала она, – вы милый человек, но себя обскакать я не дам. Деньги нужны и вам и мне. Получу их я.

Глава V

1

Экспресс 16.15 мягко отошел от вокзала, и Эш уселся в уголку своего купе. Джоан, сидевшая напротив, раскрыла журнал. Дальше, в купе первого класса, мистер Питерс закурил сигару. Еще дальше по коридору, тоже в первом классе, но «для некурящих», Эйлин глядела в окно и думала о разных вещах.

Эш ощущал необычную бодрость, хотя и жалел, что, купив Джоан эту штуку, лишил себя на время такого удовольствия, как беседа. Когда поезд тронулся, формально и официально полагая начало опасному приключению, он окончательно понял, что родился авантюристом. Смотрите сами: идеальный авантюрист не только силен, но и пытлив – а этого в нем хватает. В отличие от нынешних молодых людей он с детства увлекается чужими делами. Если вы поднесете этим людям хорошее приключение, они не откажутся, но сами? Никогда в жизни! И воспитание и традиция не позволят им рисковать; ведь самое страшное для них – показаться смешными. И вот, проходя мимо дома, в котором кто-то кричит, они убедят себя, что там поет неумелая певица, а завидев девушку, за которой гонится злодей с ножом, предположат, что

это уличные съемки. Так идут они своей дорогой, не глядя по сторонам; они – но не он. Да, убедила его Джоан, но лишь потому, что страсть к новизне сочетается в нем с ленью.

Словом, он был счастлив. Поезд выстукивал марш. Джоан сидела напротив. Думая о том, что именно так и надо жить весной, Эш не знал, что спутница его просто прикрылась журналом, чтобы избежать беседы. Она, как и сам он, размышляла о ближайшем будущем, сожалея при этом, что расшевелила своего нового приятеля. «Как часто в этом мире, – думала она, – наши действия, словно бумеранг, возвращаются, чтобы нас же ударить!»

Украдкой взглянув поверх журнала, она увидела, что Эш смотрит на нее. Глаза их встретились, и, упрятав досаду в дальний уголок души, Джоан постаралась заговорить как можно приветливей. В конце концов, человек он милый, занятный, хотя они и соперники. До этой дурацкой истории он ей очень нравился. Да-да, что-то в нем такое есть, так и хочется поправить ему галстук, вызвать на откровенность, как следует подбодрить. Наверное, дело в том, что она, по своей доброте, готова помочь даже совершенно чужому человеку.

– Ну вот, – сказала она. – Едем.

– Именно, именно, – отвечал Эш, радуясь, что она вернулась к прежней манере.

Поезд выстукивал уже не марш, а рэгтайм. «Интересно, – подумал Эш, – почему я так обрадовался? Мы просто друзья, видимся в третий раз. Для дружбы этого хватит, но не для

влюбленности!»

Немного подумав, он все понял. Странное желание перелететь купе и поцеловать Джоан вполне естественно. По своей доброте он стремится быть как можно приветливей.

– Жалеете вы, – спросила Джоан, – что я подбила вас на такое безумное дело? Сидели бы на Арундел-стрит, писали бы свою «Палочку»...

– Нет, не жалею, – признался Эш.

– И не каетесь?

– Нет.

Джоан улыбнулась. Такой дух ей нравился. Хотя, конечно, для нее это не совсем удобно...

– Долго ли продержится ваша храбрость? – заметила она.

– Что вы имеете в виду?

Джоан заметила, что зашла слишком далеко.

– То, – быстро отвечала она, – что мистер Питерс – человек тяжелый.

Эш успокоился; он подумал было, что она разгадала его тайну.

– Да, наверное, – согласился он. – Такой... ну, вспыльчивый. У него плохой желудок.

– Я знаю.

– Ему нужен воздух. И эти упражнения не помешали бы.

Джоан засмеялась:

– Вы надеетесь его убедить, чтобы он сворачивался в узел?

– Хотел бы.

– Что ж, попытайтесь.

– Вы думаете, он не послушается лакея?

– Я все забываю, что вы лакей. Вы так на них не похожи!

– Старый Питерс думает иначе. Он сказал, что у меня заурядная внешность.

Говоря это, Эш думал о том, что в жизни не видел такой прелестной девушки.

– А вот вы, – заметил он, – совсем не похожи на горничную.

– На кого же я похожа?

– На переодетую принцессу.

Джоан засмеялась:

– Спасибо, мистер Марсон, но вы заблуждаетесь. Всякий узнает во мне именно горничную.

– Да? Вы такая... смелая. Никакой покорности...

– В горничных ее нет. С чего бы? Ведь они идут сразу за лакеями.

– Идут? Куда?

– К столу.

Джоан улыбнулась, увидев, как он растерян.

– Боюсь, – сказала он, – вы плохо разбираетесь в этикете своего нового мира. Вы не знали, что правила там строже, чем при дворе?

– Вы шутите?

– Нет, не шучу. Попробуйте пойти к столу не так, как положено, и посмотрите, что будет. В самом лучшем случае вас

поставит на место дворецкий.

– Господи! – выговорил Эш. – Если он поставит меня на место, я покончу с собой. Объясните мне все, пожалуйста.

– Что ж, как лакей мистера Питерса вы важная персона. Сколько бы ни было гостей, ваш хозяин – самый почетный. Значит, вы идете после дворецкого, экономки, лакея лорда Эмсворта, горничной леди Энн...

– А кто это?

– Леди Энн? Сестра лорда. Она живет там с тех пор, как умерла его жена. Да, значит, дальше – лакей Фредерика Трипвуда, потом – я, потом – вы.

– Что-то не очень важная роль!

– Важная, важная. За вами – бог знает сколько народу.

– Всякие уборщицы и судомойки?

– Ну что вы! Если судомойка сунется в нашу столовую, ее...

– Поставит на место дворецкий?

– Нет. Ее линчуют. Они едят на кухне. Шоферы и всякая мелочь мужского пола едят в своей столовой, обслуживает их особый мальчик. Уборщицы обедают и ужинают там же, а завтракают на кухне. У прачек – особая комната, рядом с прачечной, но главная прачка стоит выше главной уборщицы. Шеф-повар ест в своем закутке, у кухни. Кажется, я все сказала.

Эш тупо глядел на нее. Она покачала головой:

– Не хотите вернуться в Лондон?

– Это кошмар какой-то!

– Ну и не езжайте. Сейчас – остановка. Выходите и садитесь на лондонский поезд.

Теперь головой покачал Эш:

– Нельзя. Есть... есть причины.

Джоан снова взяла журнал, и в купе второго класса воцарилось молчание. Поезд постукивал, Джоан читала, сумерки сгущались. Путешествие стало казаться Эшу бесконечным.

Через долгое время поезд остановился, и голос на платформе возвестил:

– Станция Маркет-Бландинг!

2

Маркет-Бландинг – одно из тех сонных поселений, которых не коснулся прогресс, если не считать самой станции и комнаты над бакалейной лавкой, где по вторникам и пятницам показывают кинофильмы. Церковь здесь норманнская, жители в своем большинстве относятся к палеозойской эре. Оказавшись тут в промозглый весенний день, когда юго-западный ветер послушно сменился восточным, а прижimiстые обитатели еще не зажгли света, человек ощущает, что он неведомо где, беспомощный и одинокий.

Охраняя хозяйский багаж и угрюмо глядя в сумерки, Эш совсем затосковал. Из масляного фонаря сочился мутный свет. Небольшой крепкий носильщик жонглировал большим

бидоном. Восточный ветер трепал нервы холодными, мокрыми пальцами.

Где-то в темноте, в которой скрылись на машине мистер Питерс и его дочка, притаился замок со всем его этикетом. Скоро туда попадет и он. Эш задрожал.

Из полумрака, в слабых лучах, появилась Джоан, усадившая хозяйку в машину. Она приветливо улыбалась, как в былые дни.

Если бы девушки знали, что такое ответственность, они бы последили за своими улыбками. Бывают минуты в нашей, мужской, жизни, когда улыбка производит разрушительное действие. Джоан и раньше улыбалась Эшу, но минута не пришла. Он одобрял ее улыбку в отвлеченном, критическом плане; одобрял – но не восторгался. Теперь, протомившись пять минут на неприятной платформе Маркет-Бландинга, он обрел, как сказали бы спириты, повышенную чувствительность. Улыбка подействовала на него как крепкий напиток и добрая весть, вместе взятые. Безотрадная пустыня превратилась в страну, текущую молоком и медом. Мы не преувеличим, если скажем, что он пошатнулся и вцепился в хозяйский чемодан.

Улыбки, оказывающие такое действие, заслуживают исследования и – в данном случае – его оправдывают. Многое лежало за улыбкой, которой Джоан озарила сумрачную станцию.

Прежде всего у нее (Джоан) изменилось настроение,

успешно загнав соперничество в темный угол. Немного подумав, она решила, что Эш не заслужил такой манеры и вести себя так смогла бы только кошка. Решив это, она собралась вернуться при первой же встрече к бывшему радушию. Казалось бы, этого хватит; но нет. Была и вторая причина.

Сажая Эйлин в автомобиль, Джоан уловила испуганный взгляд шофера, а через секунду-другую, услышав обращение «Фредди», многое поняла. Как успокоится он, подумала она, когда, тревожно спросив невесту, кто это, узнает фамилию горничной! Наверное, проурчит: «Похожа на одну знакомую девушку...» — и разовьет тему, рассуждая о том, как удивительны пути Природы, плодящей двойников. Все это было смешно, и Джоан улыбнулась. Воспоминание о том, что Фредди, по словам этого Джонса, писал ей стихи, согрело ей душу.

Эш, не обладавший чудотворным чутьем, уловил только первую причину, да и то не полностью. Он решил, что Джоан ему рада, и мысль эта подействовала на него как благая весть или сильное лекарство. В жизни каждого мужчины есть мгновение, о котором он говорит в последующие годы: «Тут я и влюбился». Сейчас оно наступило. За тот микроскопически малый отрезок времени, который понадобился носильщику, чтобы докатить бидон до конца платформы и со звоном швырнуть его к собратьям, Эш полюбил Джоан.

Слово «любовь» так растяжимо, что обозначает многое, от вулканической страсти Марка Антония до того теплова-

того чувства, благодаря которому приказчик из бакалейной предпочитает горничную из второго дома по Хай-стрит ку-харке из дома сразу за почтой. Тем самым утверждение «Эш полюбил» тоже надо проанализировать.

Начиная с четырнадцати лет влюблялся он постоянно, и нынешнее чувство не походило ни на то, что побудило его собрать двадцать восемь фотографий одной актрисы, ни на то, из-за чего, учась в Оксфорде, он неделю не курил и пытался выучить наизусть португальские сонеты. Любовь лежала посередине между этими краями спектра. Он не мечтал о том, чтобы платформу наводнили индейцы, от которых он спасет Джоан, и ничем не собирался жертвовать. Просто он понял: мир без нее – совершенно пустой, такой пустой, что о нем и говорить незачем. Кроме того, он испытывал невыносимую благодарность, удивлялся невиданной красоте и обрел такое смирение, что едва не кинулся к ее ногам, твякая, как собака.

Преобладала благодарность. В подобных размерах он испытывал ее лишь однажды, и тоже к существу женского пола. Давно, еще дома, тоже в Шропшире, но в Матч-Мидлфорд, ему, десятилетнему мальчику, велели прочитать гостям «Крушение Геспера».

Он встал. Он покраснел. Он произнес: «Ш-ш-ш-шла ш-ш-шхуна «Г-г-г-г...»», и вдруг какая-то девочка страшно заревела. Она голосила и выла, не ведая утешения, а маленький Эш, спасенный чудом, сбежал и укрылся в сарае.

Пятнадцать лет вспоминал он неслыханную, благодарную радость. Сейчас, глядя на Джоан, он снова ее испытал. Замерев от счастья, он видел, что она собирается что-то сказать, и трепетно ждал первых слов своей богини.

– Безобразие! – произнесла она. – Бросила пенни в эту штуку, а шоколадок нет. Прямо хоть пиши в компанию.

Небольшой, но крепкий носильщик, уставший от бидонов, а может – будем справедливы – управившийся с ними, подошел и сказал:

– Повозка из замка приехала.

Задумчивое ржанье подтвердило его слова, и он схватил чемоданы мистера Питерса с той же властью, какую выказывал по отношению к бидонам.

– Надеюсь, она крытая, – сказала Джоан. – Холодно что-то. Пойдем посмотрим.

Эш последовал за ней покорной поступью автомата.

3

Чудище по имени Холод загоняет в подполье все, что есть прекрасного на свете. Застывшие клумбы хранят в своих недрах луковицы, которые (если садовник не посадил цветы вверх ногами) ждут тепла, чтобы одарить мир веселой пляской красок. Так и любовь; если ты едешь английской весной в открытой повозке, любить ты любишь, конечно, но есть и чувства поважнее.

Да, повозка оказалась открытой всем четырем ветрам, один из которых дул на нее с угрюмого востока. Должно быть, поэтому восторги Эша сменились каким-то трансом. Любить он любил, но осознанное «я» было слишком занято тем, чтобы кровь не застыла.

После бессмысленного множества суровых дорог, неосвященных домиков и темных полей повозка подъехала к массивным воротам, за которыми открывалась гравиевая тропа. Примерно милю проехав по ней, среди деревьев парка, она (то есть повозка) нырнула в густой кустарник. Слева замерцали огоньки, кустарник сменился лужайками, а там и десятки окон приветливо взглянули на путников, словно уютный очаг долгой зимней ночью. Бландингский замок стоял как гора на фоне серого неба.

Историю его мы можем узнать из книг, Виоле-ле-Дюк¹² писал о нем. Восходил он к самому началу Тюдоров¹³ и властвовал над всей местностью. Однако Эша поразило лишь то, что с виду он казался теплым, и он обрадовался. Радость его оказалась несколько поспешной – повозка стала огибать замок и только минут через десять, проехав под аркой, прогрохотала по булыжнику к какой-то высокой двери.

Эш вылез и помог Джоан. Та мягко светилась. Видимо, женщин холод не берет.

¹² *Эжен Виоле-ле-Дюк* (1814–1879) – французский историк архитектуры, реставрировавший готические здания.

¹³ Первый из Тюдоров, Генрих VII, стал королем в 1485 г.

Когда открыли дверь, из нее хлынули теплые кухонные запахи. Багаж подхватили сильные мужчины, а прекрасные дамы в образе двух служанок сделали Джоан и Эшу нервный книксен. В обычных обстоятельствах Эш бы страшно смутился, но сейчас, отупев от холода, великодушно кивнул. Подумаешь, служанка делает книксен!

Служанки, судя по всему, играли роль королевских атташе. Одна должна была представить Джоан домоправительнице, другая – Эша дворецкому, который оказал великую честь лакею почетного гостя.

Пройдя немного по коридору, служанки повели новоприбывших в разные стороны: Джоан – направо, Эша – налево. Эш очень огорчился. Ему не хватало моральной поддержки.

Наконец его проводница остановилась и постучалась в какую-то дверь. Сочный голос, напоминающий своим звуком букет старого портвейна, произнес: «Войдите». Проводница открыла дверь и сказала:

– Это он, мистер Бидж.

После чего поспешила в менее разреженный воздух кухни.

Как и многих, Эша дворецкий поразил. Так и казалось, что он скоро лопнет – именно это чувство вызывают лягушки и воздушные шарики; и нервные, тонкие люди поневоле сжимались, словно перед взрывом. Те, кому довелось общаться с ним и дальше, проходили эту фазу, как крестьяне, разбившие сад на склоне Везувия. Опыт учил их, что Бидж

всегда выглядит так, словно апоплексический удар – дело секунд, и все же удар его не хватает. Эш был новичком, и страх окончательно вывел его из транса.

Дворецкие тем меньше похожи на людей, чем величественней их окружение. В сравнительно скромных домах сельских сквайров мы можем увидеть нашего собрата, человека, который болтает с лавочниками, споет при случае веселую песню в местном кабачке и даже нальет, если нужно, воды. Бландингский замок славился по всей Англии; и Бидж соответственно обрел ту важную неподвижность, которая позволяла отнести его к царству растений. Двигался он, если двигался, с исключительной медленностью, слова – еле цедил, как бы отмеряя по капле. Глаза под тяжелыми веками глядели тем самым взглядом, каким глядят они у статуй.

Почти незаметно шевельнув пухлой белой рукой, он дал Эшу понять, чтобы тот сел. Величавым мановением другой руки, правой, он взял чайник, а строгим кивком указал Эшу на объемистый графин. Через минуту Эш пил горячий пунш, смутно чувствуя, что его допустили к мистическому обряду.

Мистер Бидж встал у камина, заложил руки за спину и промолвил:

– Не знаю вашего имени.

Эш представился. Бидж кивнул.

– Вижу, вы замерзли, – продолжал он. – Ветер восточный. Эш признал, что в дороге было холодно.

– Когда такой ветер, – сообщил Бидж, – у меня ноют ноги.

– Простите?

– Э... ну, крутит. Крутит ноги. Вы молоды, мистер Марсон, у вас ноги не крутит.

Сказав это, он окинул загадочным взглядом Эша, пунш и стену за ним.

– Ноги, – повторил он. – Суставы. И не только крутит. У меня врос ноготь.

Молодые и слишком здоровые люди, даже если они добры, испытывают при таких беседах прискорбное нетерпение. Им почему-то кажется, что сообщать это надо врачам, выбирая для профанов другие сюжеты.

– Ай-ай-ай, – сказал он. – Много сегодня гостей?

– К обеду, – отвечал мистер Бидж, – мы ожидаем человек тридцать, если не больше.

– Какая ответственность для вас! – заметил Эш.

Бидж важно кивнул:

– Немногие, мистер Марсон, осознают, как она велика. Иногда у меня бывают головные боли на нервной почве.

Эш ощутил то, что мы ощущаем, когда погасим огонь в одном месте, а он вспыхнет в другом.

– Тогда хоть о ногах забудешь, – предположил он.

– Отнюдь, – сказал Бидж. – Я ощущаю одновременно и боль в ногах.

Эш сдался.

– Расскажите про ноги подробней, – попросил он, и Бидж

рассказал.

Но всему есть конец. Не веря своим ушам, Эш услышал слова:

– Давно вы служите у мистера Питерса?

– Я? Да нет, со среды.

– Вот как? Разрешите спросить: где вы служили раньше?

Эш пожалел, что рассказ о ногах исчерпан. Можно было что-то придумать, можно было сказать правду. Придумывать – долго, и он правду сказал.

– Вот как? – промолвил Бидж. – Нигде не служили?

– У меня... а... э... была другая работа.

Бидж не позволил себе проявить любопытство, но брови его не послушались. Эш решил их презреть.

Повисло неловкое молчание. Эш рассердился. Почему мистер Питерс не мог выдать его за секретаря? Какие-то соображения были, но глупые. Надо бы нажать там, в конторе; и потом, ему понравилась роль лакея, есть в ней что-то опереточное. Как же теперь выкрутиться? Бидж явно ждал объяснений, предполагая, быть может, что Эш сидел в тюрьме.

Прилежно глядя на ту часть стены, которую не прикрывал Бидж, Эш решил стоять насмерть. Подозревает – и бог с ним! Что такое, в сущности, брови? Разглядывая загадочных птиц, сидящих на загадочных ветках, Эш припомнил, что Провидение подбросило хороший выход, когда побудило его упомянуть о желудке мистера Питерса.

– Не повезло мне с этим местом, – сказал он. – Кричит,

ворчит! А все желудок.

– Желудком страдаю и я, – откликнулся дворецкий. – Слизистая оболочка в ужасном состоянии.

– Расскажите мне о вашей оболочке! – попросил Эш.

Через четверть часа Бидж случайно увидел циферблат будильника.

– Однако! – сказал он. – Не могу уделить вам больше времени, мистер Марсон. Меня призывает долг, как и вас, смею заметить. Мистер Питерс ждет, без сомнения, что вы можете ему переодеться к обеду.

Следуя его указаниям, Эш добрался до холла с огромным камином. Оттуда шла лестница наверх. Несомненно, там спальни, но в какой именно обосновался хозяин? Нельзя же стучаться в каждую дверь! Нельзя и вернуться за разъяснениями, тем более что Бидж направился в погреб.

Так думал он, когда в холле появился человек примерно его возраста. Видимо, он вышел из какой-то двери в другом конце холла – за ней сверкнуло стекло. Неужели там музей – цель стремлений? Вглядевшись, он рассмотрел и часть мумии.

Молодой человек был суров и остронос, в очках без оправы, и Эш решил, что это Бакстер, личный секретарь лорда Эмсворта.

– Эй! – крикнул он.

– Да? – отозвался Бакстер.

– Не скажете, где комната Питерса?

Лакеи иначе говорят с секретарями; и Бакстер решил, что перед ним – новый приятель Фредди, некий Эмерсон. Он ответил ему. Эш его поблагодарил:

– Спасибо вам большое.

– Не за что!

– Тут совсем заблудишься!

– Да, замок не маленький.

После этой беседы Эш пошел наверх и постучался куда надо. Ответил ему, без сомнений, голос хозяина.

4

Полуодетый мистер Питерс стоял перед зеркалом и боролся с галстуком. Когда Эш вошел, он как раз сорвал его и воскликнул:

– А, к черту!

Эш догадался, что он не в духе. Даже при хороших обстоятельствах Питерс не любил этих переодеваний, а уж при плохих... Легко ли наряжаться к пиру, если твой пир состоит из спаржи и двух-трех орехов?

Завидев Эша в зеркале, хозяин сказал:

– А, явились! Ну, быстро! Дверь кто закроет? Не шаркайте! Не пяльтесь на меня! Умнее вы выглядеть не можете? И вообще, где вас носило? За-вя-жи-те мне галстук.

Немного смягчившись от того, как мастерски Эш вывязал галстук, он позволил вбить себя во фрак и закурил недоку-

ренную сигару.

– Скарабея нашли? – спросил он.

– Нет.

– Что ж вы делали?

– Беседовал с дворецким.

– Какого черта! Хоть музей нашли?

– Да.

– Да? А какой у вас план?

– Пойти туда ночью.

– Уж ясно, не днем! А как вы его отыщете?

– Не знаю.

– Ха, он не знает! Не зна-а-ет! – взревел мистер Питерс, потрясая воздетыми кулаками. – Кретин! Остолоп! Идиот! Чего вы копаетесь? Чего вы топчетесь? Чего вы бродите по замку? Вы что, привидение? Работать надо. Скарабея отыщете, не беспокойтесь, этот старый осел приспособил там целую афишу. «Хеопс IV династии, подарен – нет, вы подумайте! – подарен Дж. П. Питерсом».

У Эша чуть не лопнуло ребро, но он удержался от смеха.

– Он даже не под стеклом, – продолжал мистер Питерс, – лежит на таком подносе. Это преступно! Его можно хапнуть за две секунды!

– Зато мне легче его взять, – утешил хозяина Эш.

– Если возьмете, – фыркнул тот, – вас могут накрыть. Об этом вы подумали?

– Нет.

– Что вы тогда скажете?

– Не знаю.

– Он не знает! Вы скажете, что я звонил. Не могу заснуть. Хочу, чтобы вы мне почитали.

– Мне вряд ли поверят.

– Если накроют по дороге, поверят. Если накроют в музее, молчите и надейтесь на милость судьи. А вообще это правда. Я люблю, чтобы ночью мне читали. Совсем не сплю из-за желудка. Слизистая – ни к черту.

Ничтожные причины вызывают великие события. Эша давно раздражал склочный хозяин, но он перетерпел бы, если бы не заветное слово. О слизистой оболочке он больше слышать не мог.

– А чего вы хотите? – сурово спросил он. – Курите целый день, сидите сиднем...

Мистер Питерс дернулся, но выговорить ничего не мог.

– Меня, – продолжал Эш, – от таких людей воротит. Не двигаются, орут, курят на пустой желудок, а потом ноют. Ах, какие мученики! Да поработай я над вами месяц, вы бы кирпичи жевали. Подъем, гимнастика, холодная ванна, быстрая ходьба...

– Нахал! – взорвался мистер Питерс. – Кто – вас – спрашивал?!

– Не мешайте! – твердо ответил Эш. – Я сбился...

– Что за тон?

Эш шагнул к дверям.

– Хорошо, – сказал он. – Ухожу. Ищите кого-нибудь другого.

Челюсть у мистера Питерса отвисла, глаза вылезли из орбит.

– Если бы я знал, на что иду, – продолжал Эш, – я бы не согласился и за сто тысяч. Могли бы взять меня секретарем! Дворецкий что-то подозревает, старшая горничная смотрит так, словно я –дохлая мышь. – Голос его задрожал от жалости. – Вы понимаете, на что вы меня обрекли? Спокойной минуты нет в этом замке! Один этикет чего стоит! А тут вы еще орете, срываете на мне злость! Нет, какая наглость! Сам себя убивает, а отыгрывается на мне! А я терпи, да? Так повашему? Не-ет. Хватит. Нужен вам этот скарабей, ищите кого-нибудь другого. Я ухожу.

Когда он сделал еще один шаг к двери, дрожащие пальцы вцепились в его рукав.

– Мой дорогой! – выговорил хозяин. – Мой дорогой, одумайтесь!

Опьяненный своим красноречием, Эш выпятил грудь и расставил ноги, словно Колосс Родосский.

– Вот как? – холодно сказал он, высвободив локоть. – Что ж, выясним отношения. Если каждый раз, когда вам худо, вы будете орать, я не останусь ни за какие деньги.

– Мой дорогой, я погорячился!

– Да? Бросьте сигару.

– Мой дорогой!

– Бросьте. Конечно, вы погорячились! У вас нервы – ни к собакам. Извинениями вы не отделаетесь. При таком режиме вы спокойнее не станете. Вы должны слушаться меня, как врача. Курить бросаем. По утрам – гимнастика.

– Да, да.

– Прекрасно.

– Минутку! А какая гимнастика?

– Завтра увидите. Быстрая ходьба.

– Я не люблю ходить пешком!

– Перебьетесь. Холодные ванны.

– Да, да.

– Прекрасно.

– Минутку! Холодные, в моем возрасте...

– Сразу помолодеете. Значит, ванны.

– Да, да, да.

– Договорились?

– Да!

– Прекрасно.

Именно на этом месте беседы раздался звон гонга.

– Что ж, мы успели, – заметил Эш.

– Молодой человек, – выговорил Питерс, – если при всех этих муках вы не украдете Хеопса, я с вас шкуру сдеру.

– Так не пойдет, – сказал Эш, – думайте только о прекрасном.

– Содрать с вас шкуру, – сказал хозяин, – поистине прекрасная мысль.

Чтобы хлеб не обратился в пепел без мистера Биджа, старшие слуги поздно начинали обед. Дворецкий сидел во главе стола, пока у хозяев не доходило до кофе, да и то отлучался всего на несколько минут.

Когда Эш шел в столовую, его перехватил почтительный мальчик и повел к домоправительнице. Там было много народу, все живо беседовали, и Эш ощутил примерно то, что ощущал в свой первый школьный день. Все гости, кроме Питерса с дочерью, уже бывали здесь, и слуги их хорошо знали друг друга.

При появлении новичка они глухо зарокотали и, к его немалому ужасу, уставились на него. Однако на выручку пришла домоправительница, миссис Твемлоу, похожая на Биджа, как парная ваза или другой фазан в связке. Глядя на нее, каждый тоже думал про апоплексические удары и мог причислить ее к растительному царству.

– Добро пожаловать в Блэдингский замок, – сказала она.

Эш удивился и тому, что это сказал не Бидж, и тому, что Джоан выглядела тут совершенно естественно.

Миссис Твемлоу стала знакомить его с остальными обстоятельно и без спешки. Каждому из знатных слуг он пожимал руку, каждому улыбался, пока лицевые мышцы не свела гримаса. Теперь он удивлялся тому, что столько народу уместит-

лось в сравнительно небольшой комнате.

– С мисс Симеон вы знакомы, – сказала миссис Твемлоу, и он чуть не ответил «Нет», но понял, что это Джоан. – Мистер Джадсон – мистер Марсон. Мистер Джадсон – лакей мистера Фредерика.

– Вы еще не видели нашего Фредди? – спросил солидный и плешивый Джадсон. – На него стоит посмотреть.

– Мистер Марсон, – сказала миссис Твемлоу, – мистер Феррис, лакей лорда Стокхеда.

– Очень приятно, – сказал Феррис, брюнет с высоким лбом и циничным взглядом.

– Мисс Уиллоуби, это мистер Марсон, который поведет вас к столу. Мисс Уиллоуби – горничная леди Милдред, нашей старшей дочери¹⁴.

Эш удивился, что дочь миссис Твемлоу – леди, но разум подсказал ему, что подразумеваются лорд Эмсворт и его покойная супруга. Представили его и величавой мисс Честер, горничной леди Энн, и он обрадовался, что она идет к столу перед ним. Когда его познакомили со всеми, беседа возобновилась. Говорили только о хозяевах. Вероятно, слуги пониже говорили о старших слугах, и так далее. Где же самый низ? По-видимому, он состоял из почтительного мальчика, которому беседовать не с кем, и он рассуждает в одиночестве.

Эш чуть не поделился этой гипотезой с мисс Уиллоуби, но

¹⁴ Только в этом романе у лорда Эмсворта есть дочь, леди Милдред, жена полковника Манта.

решил, что та его не поймет, и заговорил о новых спектаклях. Она обожала театр, а ее хозяин – клубы, так что они с хозяйкой большей частью жили в городе. Деревню мисс Уиллоуби не любила, поскольку там скучно.

– Вам не скучно в деревне, мистер Марсон? – осведомилась она.

– О нет! – ответил Эш и по довольному хихиканью с удивлением понял, что слова его сошли за комплимент.

Появился мистер Бидж, немного отрешенный, как всякий, на кого возложено бремя великой ответственности.

– Альфред пролил белое вино, – глухо и горестно сообщил он миссис Твемлоу. – Чуть не попало на руку его светлости!

Миссис Твемлоу сочувственно заохала. Мистер Бидж явно устал от бремени бытия; но, услышав «Кушать подано», предложил ей руку.

Эш чуть не нарушил порядок, но мисс Уиллоуби его удержала, пропустив вперед мисс Честер с неопознанным чело-
вечком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.